

ГРОЗНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Вчера советские люди начали подписывать Обращение Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны. Труженики Москвы и Ленинграда, Украины и великих волжских гидростанций, Алтая и Кубани ставят свои имена под Обращением.

Люди никогда не забудут тот светлый майский день, в который человечество всего земного шара вздохнуло полной грудью, услышав долгожданное слово — МИР! Это слово для всех людей с чистой совестью является самым дорогим символом счастья. И еще дороже стало оно теперь, когда все чаще и чаще стали слышаться из-за океана другие слова — атомная ВОЙНА.

Твердо уверенные в своей могучей силе, которая в любую минуту может уничтожить любого агрессора, советские люди отстаивали и впредь будут отстаивать мир и безопасность народов.

Пять лет назад свыше пятисот миллионов миролюбивых людей всей земли подписали Стокгольмское Воззвание о запрещении атомного оружия и об объявлении военными преступниками тех, кто осмелится применить это оружие. Два года назад более шестисот миллионов подписей появилось под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. И сейчас народы единодушно подписывают Обращение Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны.

Эти подписи — грозное предупреждение атомщикам. Советские люди подкрепляют свои подписи под Обращением новыми трудовыми успехами во имя дальнейшего расцвета мирной и счастливой жизни на всей земле.

В первый день

Теплый весенний день. Чистые, похуже на аллюр улицы, которые лучами расходятся от просторной площади перед заводом, заполнены тысячами уралмашевцев, — идет в цехи первая смена. Солнце топчет ледяную корку на лужах, ветер шумит в соснах.

Екатерина Лаврентьевна Щербинина помнит, как валили здесь вековой лес, как пробивали в нем вот эту улицу, которую назвали именем Ильича, — первую улицу заводского поселка.

Как быстро идет время! Приехали они с мужем сюда в 1929 году, и вот сколько же за эти годы понастроили успели: станковую машину — завод, и город вокруг него, да какой! Много было трудного, но и радости столько же: своим трудом дали жизнь десяткам заводов по всей стране — на Украине, на Амуре, на Урале, в Прибалтике. Муж и сейчас еще работает сменным мастером цеха буровых машин. А она на пенсии. Ну, что же, не даром прожиты эти годы.

Встретили мы ранним утром Екатерину Лаврентьевну на квартире у ее соседки Гусевых. Собрались знакомые и близкие люди, с которыми бок о бок прожили много лет. Слушали они агитатора и думали об одном и том же: о мире на земле, о благополучии и счастье своих семейств, соседях, друзей.

Кто же лучше русской женщины знает цену миру и ненависти войны? У Агнии Фроловны Медвединой двое сыновей работают на Уралмаше, оба военно-летчики, были ранены, — может ли она не думать об угрозе атомной войны? Знает, что такое человеческое страдание, и 72-летний врач Софья Михайловна Каганова — участница первой мировой и гражданской войн...

Женщины одна за другой ставили свои подписи под Обращением.

А мужа их, сыновья, братья в цехах Уралмаша трудятся сегодня с особым подъемом. Уралмашевцы показывают пример героического труда во имя мира. Они не только продолжают расширять индустриальную базу своей Родины, но и помогают создавать ее в странах народной демократии.

Убедительно и просто говорили об этом на митинге рабочие и инженеры чугунолитейного цеха. Красный уголок цеха был полон. Люди пришли сюда прямо со смены, чтобы выразить свою волю к миру, свою ненависть к войне и ее океанским поджигателям.

На трибуне — инженер-конструктор И. Голованов, старший коммунист-технолог П. Антонов, их сменил 18-летний юноша, бывший ремесленник Г. Исаков. Эти люди — разных поколений, но одних убеждений, одного славного коллектива, одного дела. Вместе создают они литые для огромных прокатных станов и шагающих экскаваторов, для цементных заводов, патрубков для турбин.

...В квартире на улице Ильича и в грохочущем металлом цехе крупнейшего в стране завода — всюду ощущается спокойное, трудовое, уверенное настроение. Уралмашевцы, ставя свои подписи под Обращением Всемирного Совета Мира, решительно говорят «нет!» зарвавшимся атомщикам.

В. МИХАЙЛОВ, Ю. ХАЗАНОВИЧ

СВЕРДЛОВСК, 1 апреля. (По телефону)

В этот момент со мною рядом внезапно и неслышно, как на экране немого кино, возник человек. Он поглядывал на меня сурово, а на него — с недоумением и даже испугом. На нем была форменная одежда служащего музея и на бедро его свешивался с пояса охотничий револьвер в коричневой кобуре. Человек повел головой на сквамью и произнес шепотом, как в церкви: «Святись!»

Разумеется, я сел. И разумеется, я смотрел на мадону, смотрел долго. Но мысли мои разделились. Я был занят не только тем, что вздумалось во все оттенки своего восприятия необыкновенного образа, созданного славным итальянцем. Человек с револьвером в этой беззвучной комнате, подобной капелле, напоминал мне о том, что происходит в мире за пределами этих стен и что я на мгновение позабыл, погружаясь в очарование молчаливой мудрости искусства.

Вооруженный человек, приставленный к Рафаэлю, означал собою только то, что музейные шедевры оберегаются от покушений преступников, авантюристов и безумных ночной темноты город с полумиллионным населением был почти полностью разрушен. Сотни тысяч людей были погребены под развалинами.

Война подошла к концу, американская авиация не встретила сопротивления. Но стратегия американцев руководилась дальним расчетом: осуществив план — задержать наступление советских армий с Востока и для этого уничтожить все восемь дрезденских мостов. План этот не удался, — советские войска продолжали громить гитлеровские дивизии и победоносно продвигались; часть мостов через Эльбу успе-

кий раз, глубже и глубже, видел в искусстве свидетельство такой интеллектуальной и душевной, благородной силы человека, которая объединяет людей в человечество и — мне думалось — когда-нибудь станет одной из преград войны.

Уже спустя десятилетия, в 1950 году я снова приехал в Дрезден. Цвингера не было. Не было и прежнего Дрездена. Старый город с его воздушными памятниками барокко, с его дворцами и церквями, с его величественной главной Пражской улицей, лежал в руинах.

Вместе с поэтом Александром Твардовским и развлекал по давним временам знакомую мне саксонскую рабочую семью. Здесь мы от очевидцев, переживших страшную февральскую ночь 1945 года в Дрездене, услышали рассказ о конце старой столицы земли Саксонии.

Американские тяжелые бомбардировщики налетали на город равномерными волнами, сбрасывая огромные массы смертоносного груза. В кратчайшее время, в полной ночной темноте город с полумиллионным населением был почти полностью разрушен. Сотни тысяч людей были погребены под развалинами.

Война подошла к концу, американская авиация не встретила сопротивления. Но стратегия американцев руководилась дальним расчетом: осуществив план — задержать наступление советских армий с Востока и для этого уничтожить все восемь дрезденских мостов. План этот не удался, — советские войска продолжали громить гитлеровские дивизии и победоносно продвигались; часть мостов через Эльбу успе-

дательная картина за стеклом. Это и есть «Сикстинская мадонна».

Вот я в небольшой, показавшейся мне даже маленькой и затененной, комнате. Вдоль стены, налево от входа, на длинной бархатной скамье сидят три-четыре посетителя галереи, неподвижно глядя перед собой. Я поворачиваюсь к ним. Тяжелый крученный шнур огибает пространство шагов на десять от стены. За этим ограждением к самой стене ведет приступок, затянутый ковром и напоминающий церковный амвон. Над амвонном высится огромная золотая рама, — нет, лучше сказать — величественный резной иконостас, обнимающий собою картину за стеклом. Это и есть «Сикстинская мадонна».

Вот я в небольшой, показавшейся мне даже маленькой и затененной, комнате. Вдоль стены, налево от входа, на длинной бархатной скамье сидят три-четыре посетителя галереи, неподвижно глядя перед собой. Я поворачиваюсь к ним. Тяжелый крученный шнур огибает пространство шагов на десять от стены. За этим ограждением к самой стене ведет приступок, затянутый ковром и напоминающий церковный амвон. Над амвонном высится огромная золотая рама, — нет, лучше сказать — величественный резной иконостас, обнимающий собою картину за стеклом. Это и есть «Сикстинская мадонна».

Вот я в небольшой, показавшейся мне даже маленькой и затененной, комнате. Вдоль стены, налево от входа, на длинной бархатной скамье сидят три-четыре посетителя галереи, неподвижно глядя перед собой. Я поворачиваюсь к ним. Тяжелый крученный шнур огибает пространство шагов на десять от стены. За этим ограждением к самой стене ведет приступок, затянутый ковром и напоминающий церковный амвон. Над амвонном высится огромная золотая рама, — нет, лучше сказать — величественный резной иконостас, обнимающий собою картину за стеклом. Это и есть «Сикстинская мадонна».

Вот я в небольшой, показавшейся мне даже маленькой и затененной, комнате. Вдоль стены, налево от входа, на длинной бархатной скамье сидят три-четыре посетителя галереи, неподвижно глядя перед собой. Я поворачиваюсь к ним. Тяжелый крученный шнур огибает пространство шагов на десять от стены. За этим ограждением к самой стене ведет приступок, затянутый ковром и напоминающий церковный амвон. Над амвонном высится огромная золотая рама, — нет, лучше сказать — величественный резной иконостас, обнимающий собою картину за стеклом. Это и есть «Сикстинская мадонна».

Вот я в небольшой, показавшейся мне даже маленькой и затененной, комнате. Вдоль стены, налево от входа, на длинной бархатной скамье сидят три-четыре посетителя галереи, неподвижно глядя перед собой. Я поворачиваюсь к ним. Тяжелый крученный шнур огибает пространство шагов на десять от стены. За этим ограждением к самой стене ведет приступок, затянутый ковром и напоминающий церковный амвон. Над амвонном высится огромная золотая рама, — нет, лучше сказать — величественный резной иконостас, обнимающий собою картину за стеклом. Это и есть «Сикстинская мадонна».

Вот я в небольшой, показавшейся мне даже маленькой и затененной, комнате. Вдоль стены, налево от входа, на длинной бархатной скамье сидят три-четыре посетителя галереи, неподвижно глядя перед собой. Я поворачиваюсь к ним. Тяжелый крученный шнур огибает пространство шагов на десять от стены. За этим ограждением к самой стене ведет приступок, затянутый ковром и напоминающий церковный амвон. Над амвонном высится огромная золотая рама, — нет, лучше сказать — величественный резной иконостас, обнимающий собою картину за стеклом. Это и есть «Сикстинская мадонна».

Вот я в небольшой, показавшейся мне даже маленькой и затененной, комнате. Вдоль стены, налево от входа, на длинной бархатной скамье сидят три-четыре посетителя галереи, неподвижно глядя перед собой. Я поворачиваюсь к ним. Тяжелый крученный шнур огибает пространство шагов на десять от стены. За этим ограждением к самой стене ведет приступок, затянутый ковром и напоминающий церковный амвон. Над амвонном высится огромная золотая рама, — нет, лучше сказать — величественный резной иконостас, обнимающий собою картину за стеклом. Это и есть «Сикстинская мадонна».

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 40 (3385)

Суббота, 2 апреля 1955 г.

Цена 40 коп.

В Советском Союзе начался сбор подписей под Обращением Всемирного Совета Мира

Слово советских писателей

Вчера в ряде городов страны состоялись собрания писателей, на которых они подписывали Обращение Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны. Ниже публикуем выступления А. Чаковского и С. Смирнова на московском собрании и А. Решетова — на ленинградском.

АГРЕССИВНЫЕ КРУГИ Соединенных Штатов Америки грозят человечеству атомной войной. Они размахивают атомной бомбой уже не первый год.

Писатели и журналисты, которых вдохновляет не мечта о человеческом счастье, а картина всеобщего разрушения, также не первый год упоенно пугают человечество перспективами второго всемирного погрома «на атомный лад», обреченностью всего живого на земле.

Атомщики воображают себя удавами, приводящими свою жертву в оцепенение, прежде чем броситься на нее.

Однако они забывают, что перед ними не крохотики! Человечество невозможно запугать картинами апокалипсического толка.

Я отношусь не хочу сказать, что вдохновители атомной войны далеки от мысли привести свои угрозы в исполнение и что они не сбоят бомбы, если это будет зависеть только от них.

Я бывал в Азии, в частности в Корее, и отлично знаю, на что способны современные американские конкистадоры. Они поливали напалом корейские города и села, били ширпальню по городским улицам, высушили чуму и холеру из лабораторных пробирок и, — кто знает, — может быть, они завершили бы свои бесчинства атомной бомбой, если бы корейская Народная армия и китайские добровольцы не встали на пути агрессоров, а мировое общественное мнение не подняло бы свой гневный голос против изуверов.

Словом, в «атомном вопросе» есть две стороны.

Есть каннибальское желание врагов мира и человечества запугать народы и развязать атомную войну.

И есть возможность — безусловная реальная возможность — предотвратить атомную войну, обуздать агрессоров.

Ощущение обреченности, неизбежности атомных катаклизмов как раз и есть то, чего добиваются атомщики.

Сознание предотвратимости атомной войны есть то, что боятся милитаристы.

Атомную войну нужно и можно предотвратить. Такой единственно правильный вывод, как бы ни бесновались атомщики и какие бы литературные «жертвы» ни приносили буржуазные литераторы на алтари атомных богов.

Таков единственно правильный вывод из создавшегося положения.

Войну можно предотвратить. Атом можно оставить трудиться на людей, в любой стране, если этого по-настоящему захочет ее народ.

Атомное оружие можно и должно запретить!

А. ЧАКОВСКИЙ

Великим мужеством советских людей завоевано право нашего и других народов на мирную творческую жизнь.

Но вот не прошло и одного десятилетия после войны, а американско-английские империалисты уже угрожают новой — да еще атомной — войной. «Как они смеют, не отпущило ли у них памяти?» — часто слышишь эти гневные слова, когда разговор идет об угрозах заокеанских атомщиков.

Еще Джеку Лондону было видно, что капиталистические порядки — плохая почва для человечности. И сегодня не только передовым художникам, подобно Джеку Лондону, но всем видно, что человек, охваченный алчным стремлением к власти и прибылям, человек, лишенный совести, может обернуться кровожадным зверем, бесрасчудным дикарем, вчерашним гитлеровцем.

Советские люди благодарны своей Коммунистической партии и своему правительству за их неунынную бдительность. Вот почему и певческие львоводы, и мастера индустриального Ленинграда, и мы, работники культуры, должны каждодневным трудом увеличивать прочность нашего счастья, крепить мощь нашего Отечества — надежной опоры народов в их борьбе за сохранение мира.

Подписями под Обращением Всемирного Совета Мира мы напоминаем и утверждаем наше самое сокровенное желание и категорическое требование: сохранить мир, запретить, уничтожить атомное оружие!

Если поджигатели войны не захотят помириться с этим, все честное человечество воздвигнет по заслугам тем, кто посягнет на завоеванную и выстраданную людьми мирную жизнь. Вместе с миллионами людей других стран ставя свой подписи под благородным Обращением советские люди!

А. РЕШЕТОВ

Около двадцати лет работает в институте Платон Иванович Севбо, заведующий отделом сварочного оборудования. В годы войны, когда советский народ отстаивал свою свободу и независимость, П. Севбо трудился над усовершенствованием производства танков.

Ныне, в годы мирного строительства, П. Севбо с группой ученых и производственников успешно строит машины для сварки газо- и нефтепроводов, котлов высоких и сверхвысоких давлений, для мощных электростанций.

Мир — синонимом благоденствия и счастья у всех народов во все времена! Но сейчас он особенно дорог людям, которых угрожают атомной бомбой! Мы заставим уничтожить ее! — говорит украинский ученый, подписывая Обращение.

Таковы мысли и чувства трех советских людей, твердо знающих, что народы мира могут преградить дорогу атомной войне. Ибо за каждой подписью под Обращением стоит добрая воля и стремление к миру всех простых людей земного шара.

В. ВЛАДКО

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Три подписи

Три подписи, которые я передаю по фототелеграфу из Киева, принадлежат трем простым советским людям. Они в числе десятков тысяч других киевлян сегодня утром подписались под Обращением Всемирного Совета Мира.

Севбо... Мовчан... Лейнауц...

Три украинские фамилии, ничем не выделяющиеся среди более чем двухсот подписей сотрудников Института электросварки имени Е. О. Патона Академии наук Украинской ССР. Но за каждой из этих фамилий — большая, подчас не легкая судьба, годы войны.

С волнением подписывает Обращение кандидат наук Борис Алексеевич Мовчан. Ему 26 лет, он недавно покинул стены университета. В годы войны семья Мовчана не успела эвакуироваться, и дрезденский подросток увидел много горя; его родное село Макеевка на Черниговщине было сожжено гитлеровцами. Мир принес ему образование — и мир привел его в стены прославленного института, где в одной из лабораторий он ведет работу с помощью меченых атомов.

«Я верю, — говорит Б. Мовчан, — что советская наука заставит атомную энергию двинуть вперед и наше дело — электросварку. Но для этого чудесная сила атома должна работать только для мира. Я от всего сердца ставлю свое имя под Обращением!»

Обращение подписывает научный сотрудник Евгений Иванович Лейнауц. Он старше Мовчана, — его судьба характерна для того поколения советских людей, зрелость которых начиналась в тридцатых годах, когда над Европой начались черные тучи гитлеровской агрессии. Семь лет он, молодой инженер, мечтавший о научной работе, держал в руках винтовку, защищая мир и свое право возвратиться к любимому труду.

Чем заняты сейчас Лейнауц и его коллеги?

«Мы продолжаем работу, которая сделала наш институт участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки: ищем новые способы действенной помощи сельским механизаторам, борющимся за богатые урожаи. Я ставлю свою подпись под Обращением для того, чтобы наш народ из года в год снимал все более высокие урожаи!»

Около двадцати лет работает в институте Платон Иванович Севбо, заведующий отделом сварочного оборудования. В годы войны, когда советский народ отстаивал свою свободу и независимость, П. Севбо трудился над усовершенствованием производства танков.

Ныне, в годы мирного строительства, П. Севбо с группой ученых и производственников успешно строит машины для сварки газо- и нефтепроводов, котлов высоких и сверхвысоких давлений, для мощных электростанций.

Мир — синонимом благоденствия и счастья у всех народов во все времена! Но сейчас он особенно дорог людям, которых угрожают атомной бомбой! Мы заставим уничтожить ее! — говорит украинский ученый, подписывая Обращение.

Таковы мысли и чувства трех советских людей, твердо знающих, что народы мира могут преградить дорогу атомной войне. Ибо за каждой подписью под Обращением стоит добрая воля и стремление к миру всех простых людей земного шара.

В. ВЛАДКО

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вчера в Москве, в Центральном доме литераторов, Обращение подписывал К. Мурзица. Справа М. Исаковский. Фото А. Лапина

Вручение международной Сталинской премии мира видному общественному деятелю Индонезии профессору Прийоно

29 марта в Джакарте председатель Советского комитета защиты мира Н. С. Тихонов в торжественной обстановке вручил международную Сталинскую премию «За укрепление мира между народами» декану литературного факультета Государственного университета в Джакарте профессору Прийоно.

Профессор Прийоно — один из лучших знатоков литературы и языков Индонезии. Он ведет активную работу в различных культурных и научных организациях; возглавляет «Общество индонезийского языка», редактирует журнал «Язык и культура», сотрудничает в Терминологической комиссии при министерстве просвещения Индонезии, которая создана для выработки индонезийской терминологии взамен иностранной.

Страстный патриот, Прийоно воспитывает в индонезийской молодежи любовь к культуре и литературе своего народа.

Профессор Прийоно смело и открыто борется за мир во всем мире. Как и повсюду, движению в защиту мира в Индонезии принимает с каждым годом все более широкий размах. Значительная заслуга в этом принадлежит Индонезийскому комитету защиты мира, избранному на Национальном конгрессе сторонников мира в конце января 1954 года. Профессор Прийоно является вице-председателем этого комитета. Он развернул широкую работу по укреплению и сплочению движения сторонников мира в Индонезии, связывая это движение с борьбой за государственное единство и политическую и экономическую независимость Индонезийской республики.

Индонезийский народ, после 350 лет голландского угнетения, завоевал возможность самостоятельного развития в рамках суверенного государства. Он готов на любые жертвы, чтобы отстоять и закрепить эти завоевания. Преданные люди Индонезии понимают, что дружеские связи Индонезийской республики с лагерем мира и демократии гарантируют ей независимость и свободное развитие, а в то время как попытки американских поджигателей войны оттянуть Индонезию в агрессивные лагерь и группировки сулят ей превращение в военный плацдарм, потерю добытой с таким трудом независимости, атомный гоним и гонимую вооружениями.

В настоящее время, говорит профессор Прийоно, всякая записка, адресованная в том, как сохранить мир во всем мире. Профессор Прийоно ответливо видит, с какой стороны исходит угроза миру, и не устает предупреждать индонезийцев о грозящей опасности. Международное направление, заявил профессор в одном из своих февральских выступлений, усилилось в связи с решением НАТО об использовании атомного оружия, перевооружением Западной Германии, а также в связи с ратификацией договора СЕАТО и заключением турецко-иранского союза.

Профессор Прийоно зовет к борьбе за уничтожение всех запасов атомного оружия и немедленное прекращение его производства. Как торжественная клятва, прозвучали слова выдающегося сына индонезийского народа на церемонии вручения ему Сталинской премии мира: «Мы придерживаемся принципа гуманности и понимаем, что участие в борьбе против подготовки войны с применением термоядерного оружия является нашей священной обязанностью».</

ПЕРЕД СЕВОМ

Иван ЕГОРОВ

Молодой агроном Столбунин, засев в предвесенней грязи по самым пшкелотам, не ругается, а восхищается! — Смотрите, как почва насыщается влагой!

В самом деле насыщаются: мои сапоги временами уходят до половины голени. Вытаскивая друг друга, мы двигаемся по окраине села Панфиловку в сторону МТС.

Удивительная весна, или, будем говорить, зима, или черт ее знает, что оно такое. В январе — дожди, в феврале и марте — дожди; пруды, водоемы налиты до отказа, земля талая, озимка местами двигается в рост, потом ее покрывает снегом, а следом идет дождь, да такой, что ледяная корка не успевает образоваться.

У многих эта странная зима вызывает чувство тревоги. А старые казаки только смеются и твердят в одну душу: хлебный будет год, урожайный год. Бывали такие непогожие зимы в сталинградских степях, это уж обязательно к большому хлебу.

Столбунин рассказывает, как в колхозах идет планирование весенних работ и перспективное планирование. Оно началось в бригадах при участии всех колхозников. И до чего же активный народ, с каким азартом он решает свои большие и малые дела!

Идет планирование и в Панфиловской МТС, но уже без особого азарта, без увлечения. Год ожидается напряженный. В прошлом году нагрузка на пятнадцатилетний трактор составила 614 гектаров, в этом году она увеличивается до 770 гектаров условной пахоты. Директор МТС Александр Федорович Трофимов, говоря о предстоящей весне, окрашивает тему тревожностью, а точнее сказать, грустными тонами.

Влаги в почве много, это верно. Влагу надо спрятать, укрыть в первые три дня весны. Надо забороновать посевы озимых, зяби и черные пары, всего 27 тысяч гектаров. В три дня мы этого сделать не можем, но хвадет технической вооруженности. Сроки растянутся до пяти-шести дней, часть влаги улетит, следовательно, потеряем часть урожая. Расширяется площадь пропашных: надо посеять в колхозах нашей зоны 2340 гектаров кукурузы. Квадратно-гнездовые сеялки у нас всего четыре, не хватает пропашных тракторов и культиваторов. Кукуруза, конечно, хорошая культура, но зря ее так энергично пропагандируют. Но как бы у нас опять не получилось из всего этого... горюшка.

Тут необходимо сделать некоторые отступления. В прошлом году специалисты Панфиловской МТС и всего Калининского района вели весьма бурную пропаганду по поводу переноса сроков для раскладки овиоцидов культур. В МТС и колхозах штамповались горючки. Некоторые специалисты рекомендовали для их изготовления добывать ли со два дружка. Всерайонный горюшечный шум был черепашьим, а кончилось дело шиком. Почему? Да потому, что район степной, крупного зернового и животноводческого хозяйства, а площади овиоцидных культур — мизерны, они не превращают местных потребностей. Шумели много, а получили овиоцид «на борщ в районном масштабе».

У директора Панфиловской МТС Александра Федоровича Трофимова и возникает вопрос: а не получается ли в Калининском районе с кукурузой иначе, как с горюшками в прошлом году?

Может случиться и такое — при известных условиях. Любую прекрасную идею можно дискредитировать на корню, в самом ее зародке.

Трофимов не собирается выступать против кукурузы. Не собирается он выступать и за. Испугавшись трудностей, он подал в районные организации заявление с просьбой освободить его от обязанностей директора МТС.

Калининский район — район крепких, хорошо сложенных колхозов. Даже в прошлом, лето засушливом году колхозы получили урожай пшеницы от пяти до восьми и даже десяти центнеров с гектара, выданы на трудодень от одного до полутора килограммов зерна, три рубля деньгами и обеспечены кормами животноводство.

Имеется еще в запасе и зерно урожая позапрошлого года, когда выдалось не меньше трех килограммов пшеницы на трудодень. Есть в районе и другие замечательные показатели. Во всем этом большая заслуга трех машинно-тракторных станций. Среди них лучшей считается Панфиловская. Руководит ею в течение пяти лет А. Ф. Трофимов, агроном по образованию.

Но вот потонуло время, когда права и обязанности МТС очень расширились. Она несет ответственность за все отрасли хозяйства. Руководящее ядро МТС пополнилось крепким отрядом специалистов.

Водоемы, пометания для скота, выпасы, сносы, концентраты, породность скота, продуктивность его, уход, опорося, воспитание телят, ветеринария — все это ложится на плечи МТС — в том числе и на плечи директора. П затасовал директор. Новые специалисты — зоотехники, ветеринары, кормовики — оказались людьми напористыми, энергичными. Они ворвались в планирование МТС, решительно потребовали изменить ее производственный профиль.

Водоемы, пометания для скота, выпасы, сносы, концентраты, породность скота, продуктивность его, уход, опорося, воспитание телят, ветеринария — все это ложится на плечи МТС — в том числе и на плечи директора. П затасовал директор. Новые специалисты — зоотехники, ветеринары, кормовики — оказались людьми напористыми, энергичными. Они ворвались в планирование МТС, решительно потребовали изменить ее производственный профиль.

Панфиловская МТС была и осталась по своему духу полеводческой. Когда же перед ней в упор, конкретно и неотступно встал вопрос об ответственности за производство мяса, сала, молока, за кожмужу скота по большому району, включающему зерно, в том числе и за кукурузное зерно, директор МТС подал в отставку.

Он крепчайше посоветовал со специалистами, считая, что они посягают на суверенные права директора, хотя полагали они не на права, а на систему руководства, явно отстающую от требований жизни.

Забегая вперед, отметим, что Министерство сельского хозяйства освободило тов. Трофимова от обязанностей директора «по собственному желанию».

Нечеткие на язык трактористы, узнав об этом, поставили точку над «я». — Наш Александр Федорович драпает от кукурузы...

В районных организациях подтвердили: струсила Трофимов.

Ну что ж, один директор увольняется, другой станет на его место... На фоне кипучей жизни Калининского района можно было бы и не заметить этот случай из биографии Александра Федоровича. У района своя биография. Она замечательна ростом именно тех отраслей сельского хозяйства, в которых все еще так «осторожно» походят некоторые руководители МТС. Крепче животноводство. За один только минувший год, сухой и жестокий, убой молока на колхозных фермах района вырос на 407 килограммов от каждой коровы. При местном, по существу, беспородном стаде это очень неплохо. Само коровье стадо за год выросло на одну треть. На свином фермах отбросили поштучный счет, который ранее выдался за выполнение плана. Не шутка, а вес положен в основу нового счета.

И цены не только уже еданные и проданные тысячи тонн дополнительной продукции сами по себе, ценно то, что животноводство и его продуктивность находятся в состоянии определенного, последовательного и очень оживленного роста. Фермы колхоза «Вольский» за год подняли удойность на 700 литров, фермы колхоза «Коммунар» — на 800 литров от каждой коровы. И уже в нынешнем году идет борьба за две с половиной тысячи литров, а первенцы доярки обещают взять по три тысячи литров от каждой коровы.

Что же произошло на фермах? Послушаем старшего колхозного активиста Якова Семеновича Кучеренко, заместителя председателя колхоза имени Свердлова.

— Восемнадцать лет я работаю в колхозе. Долго был членом правления, председателем. Работали не хуже других, пахали, сеяли, жили неплохо. Больше всего дохода получали от полеводства. На фермах стояло коров, сколько полагалось по плану, но скими коровниками. Запирать на такое расстояние ему еще не случалось. Из молодечества перед Аллой он забрал о расстойки, а запрете Елизаветы Ивановны. Лешка подумал, что опять его пошатан на совет, снова Алла будет хлестать его злыми, колочими словами.

Ну, плыви, чего ты бутылкаешь? — сердито сказал он и повернул к берегу.

Кира торопливо зашлапа лапками по воде. Она уже не тараторила, не смеялась и только старалась не отстать от Лешки. Они плыли, плыли, а берег оставался таким же далеким, все такими же маленькими были на нем человеческие фигурки. Ветер, на который Лешка прежде не обращал внимания, дул сильнее, порывистее, волны стали выше и круче, плыть было все труднее.

Выступило с десяток колхозных ораторов. Каждый колхоз запланировал посеять 400—500 гектаров кукурузы. И каждый колхоз требует от МТС больше пропашных тракторов.

А представители трех МТС хранят молчание, хотя говорить есть о чем. МТС не могут лаять колхозам сколько они требуют тракторов, потому что их нет. Имеется лишь

доходность от них была пустяковая и никакого интереса к ним не было.

И вдруг выяснилось, что на ферме можно хорошо заработать. Как начали доярки получать натуральные премии за перевыполнение плана, так они оказались лучшими агитаторами за развитие животноводства. Получит полтора-два литра литров премиального молока за месяц, продаст, — у нее живые деньги в руках. И трудодней стало больше, и оплачиваются они богаче. Так она, доярка, начинает и книжки читать и районы составлять. Кричит: корма не те, что это за корма? Где тыква, где арбузы? Почему их мало?

А полная норма — это пуда полтора силоса на день каждой корове против нынешних двух-трех килограммов. Книжки читать и тетрадки в планирование кормовой базы. Как их не послушать, коли так, как Мария Гусева, Прасковья Григорьевна, Раиса Романова, уже берут по два-три килограмма молока от коровы, а хотят взять по две с половиной тысячи!

— Мы знаем, — уверенно говорит Яков Семенович, — нынешний год будет урожайный, зима нам об этом сказала. Но мы хорошо научились планировать зерновое хозяйство; с кормами дело потрудней.

Председатель того же колхоза Василий Сидорович Падченко рассказывает, как шумно и всерьезно проходило этой зимой составление годового плана и шестилетнего плана развития животноводства.

— Народ жмет, требует немедленного и круглого повышения дохода, и именно за счет животноводства. Понимают колхозники, что тут много неиспользованных резервов, в этом хорошо разобрались. Но... земля у нас всего шесть с половиной тысяч гектаров, — не развешивает. Надо взять больше зерна и кормов с этой же площади. Не легко, но спланировали. Кукуруза должна выручить.

Колхозы Калининского района имеют довольно своеобразную кормовую базу. Они засевают большие площади смесью овса и ячменя на сено. Скашивают, когда ячмень выколосится и зерно выделит в состоянии молочной зрелости, а лист только еще начинает слегка бледнеть, овес же остается темнозеленым. Эта смесь — «сено с хлебом» — приобрела здесь исключительную популярность.

Вот уже лет пять овсяно-ячменное сено является на фермах основным кормом. Именно благодаря этому корму скот зимует всегда благополучно. Смесью — важная находка района. Это верный прожиточный минимум скота. Но — не больше.

Дать сена скоту досыта ни один колхоз не может. Дают подсолнечный силос, — и его мало. Дают немного переработанного зерна и, конечно, гуманные корма. И на этом небогатом рационе, добавляя в осенний сезон арбузы и тыквы, а летом используя небольшие выпасы, фермы за год сумели повысить удойность на четверть с лишним литров. Однако свиной и крупный рогатый скот сдают по поставкам, как правило, в состоянии плохой упитанности: не на чем вести настоящий откорм.

Мне пришлось присутствовать на широком совещании руководителей колхозов Калининского района. Речь шла об очень крупной перепланировке полеводства в колхозах с таким расчетом, чтобы каждая стогобарная клетка дала как можно больше зерна, мяса, молока и яиц. Совещание это можно назвать кукурузным. О ней, главным образом, говорили агрономы, зоотехники, бригадиры, свиноводы, доярки.

Кукурузу в районе знают. Сеяли ее и в давние времена, сеяли в колхозах и в совхозах до и после войны, сеяли на полях опытных.

Выступило с десяток колхозных ораторов. Каждый колхоз запланировал посеять 400—500 гектаров кукурузы. И каждый колхоз требует от МТС больше пропашных тракторов.

А представители трех МТС хранят молчание, хотя говорить есть о чем. МТС не могут лаять колхозам сколько они требуют тракторов, потому что их нет. Имеется лишь

Кадр из кинофильма «Два друга»

«Два друга», невольно задается вопросом: соберут ли эти фильмы такую же широкую аудиторию, сможет ли человек любого возраста найти в них нужное и интересное для себя?

Многое привлекает и запоминается в «Морском охотнике» — и изумленные, оживленные чего-то чудесного озорные глаза «необыкновенной девочки» Кати (Н. Румянцева), и очень независимый, полный собственного достоинства мальчуган (Миша Писинский), и сам этот маленький храбрый корабль, стремительно летящий по вспененным волнам под дерзкую и мечтательную морскую песню. Но все-таки думается, что фильм не вызовет интереса у взрослых, не оставит глубокого, долго не стирающегося следа и в душе юных зрителей.

Но почему же? Ведь как будто бы здесь есть все, что нужно для успеха детского фильма: и острый сюжет, и романтика боя, и таинственный огонь в пещере на вражеском берегу. Ведь, говоря о гайдаровских традициях, мы всегда подчеркивали существеннейшее в них — романтику подвига.

И вот здесь, очевидно, нужно уточнить, что же такое истинная, «гайдаровская» романтика?

Гайдаровская романтика никогда не исчерпывается выстрелами, схватками и дерзкими поступками. Это прежде всего романтика становления, возмужания человека, подающего в самом себе малодушие, освобождающегося от поверхностного, бездумного отношения к жизни. Суровая и выскальчивая, она всегда связана с понятием ответственности юности, даже ребенка перед страной, перед народом. Так — и в «Военной тайне», и в «Судьбе барабанщика», и в «Тимуре». Этого нет в «Морском охотнике», а ведь фильм воспроизводит героические, суровые дни войны с фашизмом!

Катя, героиня «Морского охотника», входит в фильм беззаботно — озорной, отчаянной девочкой, но, пройдя потрясения, остается в общем такой же. Есть в картине хорошая, подлинно детская, ноющая сцена. Старый матрос Макара Манашкин и Катя пробросятся на вражеский берег в пещеру, где раненый командир катера один многие сутки поддерживает огонь в костре, давая сигнал своим товарищам о фашистской подводной лодке. В пещере матрос находит измятую простреленную фуражку своего командира, погибшего, но честно выполнившего воинский долг. Вокруг все еще дышит его жизнью: теплая вода в котелке, еще пылающий огонь, как будто и после смерти подает капитан свой боевой сигнал. И мы видим, как молча стоят моряк и при-

чем же так, очевидно, нужно уточнить, что же такое истинная, «гайдаровская» романтика? Гайдаровская романтика никогда не исчерпывается выстрелами, схватками и дерзкими поступками. Это прежде всего романтика становления, возмужания человека, подающего в самом себе малодушие, освобождающегося от поверхностного, бездумного отношения к жизни. Суровая и выскальчивая, она всегда связана с понятием ответственности юности, даже ребенка перед страной, перед народом. Так — и в «Военной тайне», и в «Судьбе барабанщика», и в «Тимуре». Этого нет в «Морском охотнике», а ведь фильм воспроизводит героические, суровые дни войны с фашизмом!

Катя, героиня «Морского охотника», входит в фильм беззаботно — озорной, отчаянной девочкой, но, пройдя потрясения, остается в общем такой же. Есть в картине хорошая, подлинно детская, ноющая сцена. Старый матрос Макара Манашкин и Катя пробросятся на вражеский берег в пещеру, где раненый командир катера один многие сутки поддерживает огонь в костре, давая сигнал своим товарищам о фашистской подводной лодке. В пещере матрос находит измятую простреленную фуражку своего командира, погибшего, но честно выполнившего воинский долг. Вокруг все еще дышит его жизнью: теплая вода в котелке, еще пылающий огонь, как будто и после смерти подает капитан свой боевой сигнал. И мы видим, как молча стоят моряк и при-

Теперь с «международьем» должно быть покончено. Быть в отрядах безотлучно, и дополнительные посевы пропашных, в том числе кукурузы, будут обработаны без особого напряжения.

Во всех трех МТС Калининского района имеются старые, опытные, надежные кадры механизаторов. Но они, по существу, еще не начали работать на животноводство. И за это их ругают в колхозах, и ругают правильно. А они пока только выдыхают да молчат.

Дело не только в кукурузе, они ее, конечно, посеют и обработают. Сделают это под названием животноводов. Ни отмахнется, ни «драться» от животноводства уже нельзя. Нельзя быть и вялыми, молчаливыми, «невольными» исполнителями. Но можно — и должно — возглавить большое дело, способное обеспечить механизаторам новую трудовую славу.

КАЛИНИНСКИЙ РАЙОН, СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

РАЗНЫМИ ПУТЯМИ

У хороших детских произведений всегда имеется широкий адресат. Книжки Марии Гусевой и Гайдара значительна все от мала до велика: «Школу мужества» взрослые смотрят с не меньшим удовольствием, чем ребята, и наоборот: никто не назовет «Чапаева» детским фильмом, но была ли картина, более любимая нашей детворой?

И вот, когда смотришь сейчас два новых детских фильма — «Морской охотник» и «Два друга», невольно задается вопросом: соберут ли эти фильмы такую же широкую аудиторию, сможет ли человек любого возраста найти в них нужное и интересное для себя?

Многое привлекает и запоминается в «Морском охотнике» — и изумленные, оживленные чего-то чудесного озорные глаза «необыкновенной девочки» Кати (Н. Румянцева), и очень независимый, полный собственного достоинства мальчуган (Миша Писинский), и сам этот маленький храбрый корабль, стремительно летящий по вспененным волнам под дерзкую и мечтательную морскую песню. Но все-таки думается, что фильм не вызовет интереса у взрослых, не оставит глубокого, долго не стирающегося следа и в душе юных зрителей.

Но почему же? Ведь как будто бы здесь есть все, что нужно для успеха детского фильма: и острый сюжет, и романтика боя, и таинственный огонь в пещере на вражеском берегу. Ведь, говоря о гайдаровских традициях, мы всегда подчеркивали существеннейшее в них — романтику подвига.

И вот здесь, очевидно, нужно уточнить, что же такое истинная, «гайдаровская» романтика?

Гайдаровская романтика никогда не исчерпывается выстрелами, схватками и дерзкими поступками. Это прежде всего романтика становления, возмужания человека, подающего в самом себе малодушие, освобождающегося от поверхностного, бездумного отношения к жизни. Суровая и выскальчивая, она всегда связана с понятием ответственности юности, даже ребенка перед страной, перед народом. Так — и в «Военной тайне», и в «Судьбе барабанщика», и в «Тимуре». Этого нет в «Морском охотнике», а ведь фильм воспроизводит героические, суровые дни войны с фашизмом!

Катя, героиня «Морского охотника», входит в фильм беззаботно — озорной, отчаянной девочкой, но, пройдя потрясения, остается в общем такой же. Есть в картине хорошая, подлинно детская, ноющая сцена. Старый матрос Макара Манашкин и Катя пробросятся на вражеский берег в пещеру, где раненый командир катера один многие сутки поддерживает огонь в костре, давая сигнал своим товарищам о фашистской подводной лодке. В пещере матрос находит измятую простреленную фуражку своего командира, погибшего, но честно выполнившего воинский долг. Вокруг все еще дышит его жизнью: теплая вода в котелке, еще пылающий огонь, как будто и после смерти подает капитан свой боевой сигнал. И мы видим, как молча стоят моряк и при-

Катя, героиня «Морского охотника», входит в фильм беззаботно — озорной, отчаянной девочкой, но, пройдя потрясения, остается в общем такой же. Есть в картине хорошая, подлинно детская, ноющая сцена. Старый матрос Макара Манашкин и Катя пробросятся на вражеский берег в пещеру, где раненый командир катера один многие сутки поддерживает огонь в костре, давая сигнал своим товарищам о фашистской подводной лодке. В пещере матрос находит измятую простреленную фуражку своего командира, погибшего, но честно выполнившего воинский долг. Вокруг все еще дышит его жизнью: теплая вода в котелке, еще пылающий огонь, как будто и после смерти подает капитан свой боевой сигнал. И мы видим, как молча стоят моряк и при-

Во всяком случае, хочется пожелать нашим будущим детским фильмам сочетания глубины и занимательности, умного, тонкого и обязательно увлекательного изображения жизни.

Ю. ХАНУТИН

Певец ирландского народа

Исполнилось 75 лет со дня рождения выдающегося писателя Шона О'Кейси. Одаренный драматург, прозаик и публицист, он связал свою жизнь и судьбу с освободительной борьбой ирландского народа, с борьбой народов за мир и демократию.

Секретаря Союза советских писателей направил О'Кейси поздравительную телеграмму. Его творчеству было посвящено заседание в иностранной комиссии ЦК СССР. Докладчик П. Балашов окarakterизовал писателя-гражданина. На всем горьком опыте узнал он, какова судьба пролетария, как печальна участь безработного.

— Великая Октябрьская революция, могучее веяние которой дошло до ирландского народа, сыграла большую роль в идейном формировании писателя, — отметил докладчик. — Уже в ранних пьесах он правдиво показал многострадальную жизнь простых людей, их борьбу за свободу Ирландии.

Далее П. Балашов говорил о том, что подъем антифашистской борьбы в Англии,

твистая девочка. Вот здесь, кажется, прорудит к ней, а значит, и миллионом зрителей. Больше хорошие мысли о долге, ответственности, о том, что значит быть настоящим бойцом. Но времени получать нет. Уже подковыривают к пещере фашисты, и... взрываются, бегство, неправдоподобная схватка Кати с часовой, а затем вдобавок оказывается, что командир не убит, а только тяжело ранен, она его, конечно, находит, спасает — и все кончается, ко всеобщему благополучию, с долгими, никому не нужными «разъясняющими» сценами в финале.

Автор сценария и режиссер фильма «Морской охотник» В. Немолов не оставляет своим персонажам времени на раздумья. В фильме мало характерных примет, ребячьих поступков, а его возмущает порой то, что чувствуют, начинают говорить «для детей», каким-то наивно-разъясняющим языком.

Умение говорить всерьез, без назидательности, способность быть наравне со своим юным читателем и зрителем, стать его старшим товарищем, умеющим повести за собой, натолкнуть на нужную мысль, — в высокой степени свойственно Н. Носову и в большой мере сказано в фильме «Два друга», поставленном В. Эйсымонтом по повести «Витя Малеев в школе и дома».

По стилю, творческой манере фильм этот совершенно противоположен «Морскому охотнику». Авторы его не стремятся к сюжетной сложности, они нигде не пренебрегают гранью обычного. Это свободно, как в повести, сконцентрированные жанровые сцены жизни Вити Малеева и его товарищей, величественные по своей психологической тонкости и вещественности быта.

Настоящую, «самодельную» жизнь нашей детворы тут узнаешь с первых кадров. И в той ожесточенной футбольной встрече на пустыре, где игра идет по своим неписанным законам, — ворота в удобный момент, когда не видит противник, сдвигаются, а туманы не облагают штрафными ударами; и в ожесточенном споре на перемене вокруг классной газетки; и в том счастливом, гордом созвонии с которым встречает Костя Шиншин первую, с трудом заработанную четверку по русскому языку. Исполнитель-ребята в картине «Два друга» почти везде очень естественны и правдивы. В этом большая заслуга режиссера.

Как уже говорилось выше, фильм развивается свободно, спокойно идет от эпизода к эпизоду, от одной зарисовки к другой. Это было вполне приемлемо в книге. Но кино — более динамичное искусство, и в конечном итоге оно отомстило за пренебрежение к его законам.

Со второй половины картины это мерное течение эпизодов становится несколько утомительным, чему немало способствует вялая «воспитательная» сцена в кабинете директора. А к юности фильма, подготавливая голубеского Азарба Тимонина, начинаешь мечтать, что хорошо, «если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича» — к меткости, глубине воспроизведения детских характеров в фильме «Два друга» да прибавить напряженный сюжет «Морского охотника».

Во всяком случае, хочется пожелать нашим будущим детским фильмам сочетания глубины и занимательности, умного, тонкого и обязательно увлекательного изображения жизни.

Ю. ХАНУТИН

Николай ДУБОВ

из новых произведений советских писателей

Сирота

Лешка, улыбаясь, наблюдал за мальчишкой, и вдруг улыбка исчезла сама собой. Мимо, едва не задев его, прошли тонкие загорелые ноги. Лешка поднял голову и сразу узнал Аллу. Валюша уже был изрядно подвыпьем. Елизавета Ивановна снова неподвижно стояла у кромки прибрежья. Алла подошла к ней, что-то сказала, полувыв в ответ кивок, отошла к девочкам и раздалась.

Лешка хмуро наблюдал за ней и сердито спрашивал себя, почему это все плохое, неприятные люди обязательно красивее других. Из них самой неприятной была Алла. В ней самой красивой была Алла. В ней самой красивой была Алла. В ней самой красивой была Алла. В ней самой красивой была Алла.

Лешка рассердился на себя за то, что все время думает о ней, всколыхнул и бросился в воду. Поднявшийся после полудня легкий ветерок унесил его и развел далеко. Стояние на коряжнике недалеко от берега, лодки разбегались волнами. Отойдя от берега, вода не поднималась до горла. Лешка поплыл. Шум на берегу постепенно затих, остались позади кланяющиеся лодки, а Лешка все плыл и плыл. Приподнял голову, чтобы вдохнуть воздух, он из-под руки увидел сзади что-то голубое и на ней горюшка, как огонек, красную ленточку. Лешка подплыл еще энергичнее и больше не глядя вперед. Пусть

попробует догнать, это ей не на собрании выступать. Устал, он отлягукал, ничего не увидел за собой и лег на воду отдохнуть. Волны мягко поднимали и опускали свободно лежачее тело, сквозь опущенные веки солнце било в глаза светом. Лешка устроился еще удобнее — заложил руки под голову и скрестил бездельно ноги. Потом он услышал шум и перенернулся на жернов. Задыхающаяся от усталости и горюшечной, к нему подплывала Кира. Ой, а так испугалась — нет тебя и нет! Тебя за волной совсем не видно, когда денешься... Ты меня научишь так лежать? — кричала она еще издали.

Разочарование Лешки сменилось раздражением. Ничего не отставив, он снова лег на спину и закрыл глаза. Он думал утереть нос той задаваке, а это, оказывается, опять Смола...

Кира плавала около него и, отфыркиваясь от заплескивающих волн, тараторила: — Ох, и далеко же мы с тобой заплывали! Правда? Это трудно, так лежать? А Горбачев? Ты меня научишь? Я сама сколько ни пробовала, никак не получается — ноги тонут и все... Ну, хватит лежать, поплывем обратно, а?

Лешка переворнулся на живот. — Ну и плыви. Я тебя вода содод? Кира оглянулась на берег, в глазах у нее мелькнул испуг: — Я боюсь одна. — тихонько сказала она.

— А зачем лежала? — еще раздраженнее сказал Лешка. — Чемшии! Заплывла, а потом — «боюсь»...

Лешка рассердился на себя за то, что все время думает о ней, всколыхнул и бросился в воду. Поднявшийся после полудня легкий ветерок унесил его и развел далеко. Стояние на коряжнике недалеко от берега, лодки разбегались волнами. Отойдя от берега, вода не поднималась до горла. Лешка поплыл. Шум на берегу постепенно затих, остались позади кланяющиеся лодки, а Лешка все плыл и плыл. Приподнял голову, чтобы вдохнуть воздух, он из-под руки увидел сзади что-то голубое и на ней горюшка, как огонек, красную ленточку. Лешка подплыл еще энергичнее и больше не глядя вперед. Пусть

попробует догнать, это ей не на собрании выступать. Устал, он отлягукал, ничего не увидел за собой и лег на воду отдохнуть. Волны мягко поднимали и опускали свободно лежачее тело, сквозь опущенные веки солнце било в глаза светом. Лешка устроился еще удобнее — заложил руки под голову и скрестил бездельно ноги. Потом он услышал шум и перенернулся на жернов. Задыхающаяся от усталости и горюшечной, к нему подплывала Кира. Ой, а так испугалась — нет тебя и нет! Тебя за волной совсем не видно, когда денешься... Ты меня научишь так лежать? — кричала она еще издали.

Разочарование Лешки сменилось раздражением. Ничего не отставив, он снова лег на спину и закрыл глаза. Он думал утереть нос той задаваке, а это, оказывается, опять Смола...

Кира плавала около него и, отфыркиваясь от заплескивающих волн, тараторила: — Ох, и далеко же мы с тобой заплывали! Правда? Это трудно, так лежать? А Горбачев? Ты меня научишь? Я сама сколько ни пробовала, никак не получается — ноги тонут и все... Ну, хватит лежать, поплывем обратно, а?

Лешка переворнулся на живот. — Ну и плыви. Я тебя вода содод? Кира оглянулась на берег, в глазах у нее мелькнул испуг: — Я боюсь одна. — тихонько сказала она.

— А зачем лежала? — еще раздраженнее сказал Лешка. — Чемшии! Заплывла, а потом — «боюсь»...

Лешка переворнулся на живот. — Ну и плыви. Я тебя вода содод? Кира оглянулась на берег, в глазах у нее мелькнул испуг: — Я боюсь одна. — тихонько сказала она.

— А зачем лежала? — еще раздраженнее сказал Лешка. — Чемшии! Заплывла, а потом — «боюсь»...

сними коровниками. Запирать на такое расстояние ему еще не случалось. Из молодечества перед Аллой он забрал о расстойки, а запрете Елизаветы Ивановны. Лешка подумал, что опять его пошатан на совет, снова Алла будет хлестать его злыми, колочими словами.

Ну, плыви, чего ты бутылкаешь? — сердито сказал он и повернул к берегу.

Кира торопливо зашлапа лапками по воде. Она уже не тараторила, не смеялась и только старалась не отстать от Лешки. Они плыли, плыли, а берег оставался таким же далеким, все такими же маленькими были на нем человеческие фигурки. Ветер, на который Лешка прежде не обращал внимания, дул сильнее, порывистее, волны стали выше и круче, плыть было все труднее.

Не улавивши за ним Кира, он бы не заплыв так далеко, а теперь вот попробуй добраться... Он начинал уставать, а ветер прибавлялся.

— Лешка! — крикнула вдруг Кира. — Ой, Лешка, я, кажется, больше не могу. У меня руки не слушаются...

Лешка увидел ее бледное лицо, поспешившие губы и расширенные страхом глаза. И в ту же секунду страх охватил самого Лешку. Всем телом он вдруг почувствовал под собой мутно-зеленоватую глыбину, о которой прежде никогда не думал, мгновенно представил себе, как тонущая Кира будет хвататься за него, он должен ее спасти, а он никогда не спасал и спасать не умеет, и как они погрузятся в эту зеленоватую глыбину, она засасывает их, скручивает, как утолщенный, короткого вида в Ростоле, они идут ко дну... Он бросился в сторону.

ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОГО ГОДА

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР состоялась продолжавшаяся три дня (21—23 марта) научная сессия, посвященная русской советской литературе 1954 года.

Открытая сессия, директор института проф. И. Анисимов выразил уверенность, что настоящая сессия положит начало ежегодным обзорам советской литературы, которые станут традицией института.

ПРОЗА

Доклад М. КУЗНЕЦОВА

За послевоенные годы русская проза прошла большой и сложный путь, где были и беспорядочные победы и столь же беспорядочные неудачи, сказал докладчик. Это был путь борьбы, ибо конфликт не только действительности, служащая материалом для искусства, конфликт и самый процесс развития литературы.

Наш главный критерий — критерий жизненной правды, требование активного участия литературы в общественной борьбе за коммунизм, действительного вторжения литературы во все стороны современного бытия.

Проза минувшего года была многообразна и актуальна по своей тематике. Это не означает, однако, тревоги о том, что многие важные вопросы нашей современности остались вне поля зрения прозы. Истекший год не принес нам крупных и ярких книг — открытий о жизни советского рабочего класса, о сегодняшней жизни воинов Советской Армии. Сохраняет всю свою силу упрека, высказанный в приветствии ЦК КПСС II съезду писателей, — об отсутствии книг, раскрывающих героизм российского пролетариата и ленинской партии в период первой русской революции и Великого Октября.

Проза 1954 года, ее лучшие произведения свидетельствуют об упорении замечательной тенденции не только отображать новое, но и активно содействовать его победе, тенденции, которую можно было бы назвать «делальной», тенденция смело вскрывать жизненные противоречия и конфликты, не замалчивать трудности, неутомимо, с партийных, коммунистических позиций искать пути их преодоления. Эту тенденцию мы все не собираемся противопоставлять предшествующему развитию советской прозы, напротив, она является великой и славной традицией всей нашей литературы.

«Делание» не означает делачество. Произведения, о которых здесь говорится, — это отнюдь не инструкции по квадратно-гнездовому способу сева или новейшей технике жермальных электроприборов. Пусть с разной степенью мастерства, но именно чуждым, его характер, как главная арена борьбы нового со старым, — вот что прежде всего изображают Г. Николаева, Д. Гранина и другие.

Докладчик выделяет в этой связи очерки В. Овечкина, В. Тендрякова, С. Залыгина, для которых характерны острая постановка актуальных вопросов, стремление проникнуть в глубь характера нашего современника. Переходя к оценке романа Д. Гранина «Искатели», докладчик говорит: это в высшей степени боевая книга. Роман сражается и против лжеученых, вроде профессора Тонкова, против карьеристов, вроде инженера Потанкина, никогда не думающего о деле, но всегда — о себе, против беспринципных трусов, сплывающих в борьбе, против людей, которые цинично называют себя фильмом, задерживающим новое, против демагогов, спекулирующих на самых высоких людях, вроде Долгина.

Ометив ряд досадных недочетов романа «Искатели», М. Кузнецов видит принципиальное художественное завоевание Д. Гранина в успешной попытке проникнуть в глубины психологии творчества советского человека, новатора и революционера. Обращение к самой горячей теме современности, если оно не пролизоно светом открытия нового в действительности, если в произведении больше от заланого, от схем, не принесет успеха. Так произошло с романом Е. Катеря «Дальняя дорога».

Проблема положительного героя в нашей литературе — одна из важнейших. Характерным в этом отношении для прозы 1954 года является прежде всего внимание к рядовому советскому человеку, зачастую именно к тому, кого товарищ Сталин называл «винтиком», без которого может сломаться вся государственная машина. Причем нередко это полемически заострено против «сверхгероев», вроде Николая Коралева, против суровых и картонных «чудо-богатырей».

Весьма сложным, вызывающим споры произведением является повесть Виктора Некрасова «В родном городе». В чем главная идея этого волнующего, с удивительной простотой настоящего искусства написанного повествования о нашем простом трудовом, инвадированном, который таким чудовищно, противоречивым путем ищет свое место в жизни? Победа приходит только тогда, когда в самом себе пробудились глубокое действительное осознание происходящего, вырвался могучий взрыв энергии, — тогда смеется стать воином и в мирной жизни. Когда Митасов проявил себя борцом, воином, все силы, все передовые начала нашей жизни встали с ним рядом.

Но в этом произведении, говорит докладчик, иногда досадно ощущается, как литературная полемика с закирившимися заслонкой писателем действительную глубокую правду жизни, правду характеров. Задача создания положительного героя может решаться в различных планах, разными художественными приемами, — это подтверждает не только многолетний опыт нашей литературы, но и проза только одного года.

«Секрет» успеха «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаева — в смелости художника, ведущего героиню сквозь все противоречия и трудности жизни.

Весьма двойственное впечатление остается от нового романа В. Кочетова «Молодость с нами». Наряду с удачными, умными страницами, в романе много неподдающегося, серого, случайного.

М. Кузнецов критикует рассказ С. Антонова «Новый сотрудник» и очерки и рассказы В. Кожанникова, посвященные людям современного Китая. Он говорит о необходимости самого широкого использования ценного художественного опыта наших зарубежных друзей.

Великое дело требует великого слова, заключает докладчик. Дела советских людей поистине велики. Они ждут от писателей правдивых и высоких произведений.

ДРАМАТУРГИЯ

Доклад Е. ГОРБУНОВОЙ

Давая общую оценку драматургии 1954 года, докладчик подчеркивает, что одной из ее ведущих тенденций является стремление глубже проникать в жизнь, смелее вскрывать противоречия и трудности развития. С этим связано и стремление к более полному, углубленному раскрытию характера простого советского человека. В его изображении драматургия смело борется против привычных

ни, сквозь радость и горе; «секрет» — в уединенной в жизни позиции созидания, в активности героя, в убежденности твердо знает, за что борется, что утверждает.

Рядом с повестью Николаевой, проникнутой боевым пафосом борьбы за подъем сельского хозяйства, появились романтические, прозаические тонкой поэзией русской природы, стремлением раскрыть чувство прекрасного рассказы К. Паустовского, объединенные в сборнике «Ветер времени».

Стремление раскрыть характер простого советского человека, сделать его идейным и художественным центром повествования мы видим и в наиболее значительных книгах, посвященных событиям Отечественной войны, — в повести Д. Соболева «Зеленый луч» и в романе Н. Чуковского «Балтийское небо».

Общая тенденция в создании образа положительного героя — нашего современника — выступает довольно отчетливо: рядовой советский человек занимает центральное место в прозе истекшего года.

Однако стоит обратить внимание, что герои Некрасова, Николаевой, Гранина, Соболева, Чуковского, Эренбурга и других — это рядовые интеллигенты: офицеры, агрономы, партийные работники, инженеры и т. д. Меж тем до рядового колхозника, рядового рабочего наших дней, который стал бы центральным героем произведения, проза минувшего года, как называет, не дошла. Ей явно не хватало героя романтического происхождения, типа Глеба Чукалова, Олега Кошевого, Воропаева.

Новое существует в борьбе со старым, оно обнаруживает самые привлекательные свои качества в этой борьбе. Заметна общая тенденция (она, правда, далеко не одинаково успешно претворяется в жизнь в различных книгах) — не упускать противника, не заставлять его поспешно «саморазрушаться», показать, наряду с мерзкой антиобщественной сущностью врага, его изворотливость, хитрость, умение использовать малейшую лазейку. Митасов и его друзья ищут в решительную атаку на Чекина, так же как Настя Ковшова не мирится с Фарановым, а Мартынов смело встает против Борзова и борзючины, — отрицательные персонажи здесь защищаются от сокрушительного наступления здоровых начал нашего общества. Этот художественный принцип изображения зла, несомненно, больше отвечает задачам нашей литературы, нежели тот, что мы видим в «Оттепели» И. Эренбурга, в которой явно недостает революционной страсти боя.

Дело прежде всего в объективной позиции автора, которая определяет идейный и художественный строй произведения. Ясность идейных позиций, смелое и острое выявление всего своеобразия форм, которое принимает старое, сопротивляясь новому, художественная достоверность описываемого — вот основные достоинства повести В. Тендрякова «Не ко двору».

М. Кузнецов говорит о существеннейшей, на его взгляд, проблеме, поставленной литературой, — борьбе против «душевного захлестывания», за перевоспитание людей отсталых, стоящих в стороне от активного участия в общественной борьбе. Отсюда смелость, с которой наша литература идет наступление против конкретных носителей зла. Но она пока в большей степени называет зло и меньше всесторонне анализирует его. Узок и круг используемых художественных средств. Так, не было в прозе минувшего года примеров успешного обращения к собственному сатири.

Нельзя забывать и о главном противнике — мировой реакции. А на этом участке наша проза отстает от требований жизни самым недопустимым образом. В актив прошлого года можно записать лишь несколько произведений, ценных, однако, тем своим познавательным материалом, чем сила художественного воздействия.

Все еще появляется у нас немало плохих книг, удручающе серых, художественно беспомощных, таких, как слабая повесть В. Кукушкина «В добрый час», литературно бедные рассказы В. Гусева. Полна неуместных ситуаций повесть В. Ревунова «Меж крутых берегов».

Но гораздо больше тревогу, нежели печатание слабых произведений молодых авторов, вызывает снижение требовательности к себе у более опытных авторов. Роман А. Кошляковой «Дружба» — это не просто шаг назад по сравнению с прежним романом «Иван Иванович». Это — святотатство того, что в творчестве способной писательницы возобладали самые дурные антихудожественные тенденции.

Творчество некоторых наших писателей, от которых мы вправе ждать многого, внушает серьезную тревогу. Весьма двойственное впечатление остается от нового романа В. Кочетова «Молодость с нами». Наряду с удачными, умными страницами, в романе много неподдающегося, серого, случайного.

М. Кузнецов критикует рассказ С. Антонова «Новый сотрудник» и очерки и рассказы В. Кожанникова, посвященные людям современного Китая. Он говорит о необходимости самого широкого использования ценного художественного опыта наших зарубежных друзей.

Великое дело требует великого слова, заключает докладчик. Дела советских людей поистине велики. Они ждут от писателей правдивых и высоких произведений.

Весьма двойственное впечатление остается от нового романа В. Кочетова «Молодость с нами». Наряду с удачными, умными страницами, в романе много неподдающегося, серого, случайного.

М. Кузнецов критикует рассказ С. Антонова «Новый сотрудник» и очерки и рассказы В. Кожанникова, посвященные людям современного Китая. Он говорит о необходимости самого широкого использования ценного художественного опыта наших зарубежных друзей.

Великое дело требует великого слова, заключает докладчик. Дела советских людей поистине велики. Они ждут от писателей правдивых и высоких произведений.

Весьма двойственное впечатление остается от нового романа В. Кочетова «Молодость с нами». Наряду с удачными, умными страницами, в романе много неподдающегося, серого, случайного.

М. Кузнецов критикует рассказ С. Антонова «Новый сотрудник» и очерки и рассказы В. Кожанникова, посвященные людям современного Китая. Он говорит о необходимости самого широкого использования ценного художественного опыта наших зарубежных друзей.

Великое дело требует великого слова, заключает докладчик. Дела советских людей поистине велики. Они ждут от писателей правдивых и высоких произведений.

характера. Конфликт в пьесе отражает идейную борьбу, он представлен, как закономерное и необходимое столкновение характеров Екатерины Тонкиной и Степана. И наоборот, директор совхоза Ажинов выглядит вылым и назидательным, так как не включен активно в действие пьесы. Было бы неверно, подчеркнул докладчик, вести борьбу с бесконфликтностью путем усложнения сюжета. Борьба против бесконфликтности — это значит бороться против декларативности, поверхностности характеров.

Появилось большое количество пьес, посвященных вопросам семьи, морали, быта. Однако, к сожалению, в большинстве из них авторы проявляют интерес только к отрицательным явлениям в жизни людей, иногда даже любопытство к «изнанке» жизни и мало и плохо показывают новые отношения советских людей.

Теме личной жизни посвящена пьеса К. Симонова «История одной любви». Ее главный недостаток, как считает докладчик, — в несвоевременности характеров героев.

Этому произведению близка по жанру пьеса А. Арбузова «Годы страстий». Арбузов до тонкости знает своих персонажей, любит их. Типическая особенность арбузовских героев — высокая нравственная чистота. «Годы страстий» представляют собой настоящую психологическую драму. Ее недостатки, как и многих арбузовских пьес, в чрезмерной камерности и, порой, некритическом отношении автора к отдельным персонажам, что приводит к нечеткости их характеров.

Рассматривая пьесы «Крылья» А. Кор-

ПОЭМЫ

Доклад М. ВЕНГРОВА

Как общую черту, объединяющую лучшие поэмы истекшего года, докладчик отмечает стремление поэтов глубже проникнуть в богатый духовный мир простых советских людей, не обходя его сложности и внутренних противоречий.

Напоминая о специфике поэмы, как лиро-эпического жанра, докладчик показывает, что каждый этап строительства социализма в советской литературе выдвигались поэмы. Он называет имена В. Маяковского, Н. Тихонова, С. Есенина, А. Асеева, Э. Багрицкого, Н. Демьянова, А. Твардовского, К. Симонова, О. Берггольца, П. Антокольского, М. Алигер, А. Негодова и других. Их поэмы создали в образах героев повествования характеры, отражающие историческое время.

Далее докладчик переходит к конкретному анализу лучших поэм прошлого года. В поэме П. Антокольского «В перушке за Арабатом», посвященной истории характера нашего современника, «одной из многих биографий», история характера подмечена, в сущности, смелой историческими событиями, отраженных в биографии героев. Образы поэмы, как правило, раскрываются в описаниях и лирических раздумьях поэта, а не в действии. Многочисленные лирические отступления, переключаясь с поэзией А. Блока, занимают основное место в композиции поэмы, и лирический герой отодвигает на задний план героев повествования.

Лирический герой стал и единственным героем в поэме С. Кирсанова «Вершина». Вся поэма написана, как исповедальный

И. Вайфельд сказал в своем выступлении, что 1954 год характеризуется восстановлением и развитием славных традиций советского киноискусства и кинодраматургии, традиций смелого вторжения в жизнь, создания глубоких обобщающих образов. В прошлом году были выпущены такие удачные картины, как «Школа мужества», «Повесть о нестяжках Каспия», «Большая семья». Но все-таки, отмечает И. Вайфельд, влияние теории бесконфликтности, пренебрежение к выразительным возможностям киноискусства сказались в ряде произведений.

«Анна на шее» имела успех у зрителя, ибо она каким-то образом возмещала острым недостатком в эмоциональном, приподнятом изображении человеческих чувств. Но этот фильм представляет вульгаризацию классического произведения, чеховский рассказ явился поводом, чтобы показать картину «красивой жизни».

Многим сценариям, по мнению И. Вайфельда, свойственны однообразие, бедность в обрисовке положительного героя. Он зачастую выглядит скучным, малогаталитным. А ведь зритель привлекателен фильмом, где образ положительного героя воплощен ярко, своеобразно. Это подтверждает успех «Школы мужества» и «Кортика».

В заключение И. Вайфельд говорит о необходимости тесного творческого сотрудничества деятелей кино и писателей. Отметим в начале своего выступления, что 1954 год можно считать переходным в благоприятном смысле для детской драматургии, А. Бруштейн остановилась затем на тех недостатках, которые еще есть в пьесах для детей.

Значительным просчетом ряда произведений А. Бруштейн считает то обстоятельство, что их авторы передают ответственность за совершенные проступки к юным героям на плечи взрослых, а это воспитывает у детей безответственное отношение к себе, к своему поведению.

Некоторые драматурги, по мнению оратора, слишком увлекаются изображением «стиляга». Причем рисуют этих персонажей так стандартно, что можно без затруднения транспортировать их из одной пьесы в другую.

В качестве удач минувшего года А. Бруштейн выделяет три пьесы: «Дневник Наташи Соколовой» А. Зака и Н. Кузнецова, сказку Е. Шварца «Два клена» и, наконец, «В добрый час!» В. Розова, которая, по ее мнению, является принципиальным успехом всей советской драматургии.

В. Сидорин останавливается на рассказах прошлого года. Отмечая несомненные успехи этого жанра в последнее время, когда рассказ снова начал «забирать высоту», выходя на передовую линию огня, которую он занимал в дни войны, критик отмечает, однако, и определенную зыбкость тематики. Показательное большинство рассказов 1954 года посвящено современной деревне.

Разумеется, пристальное внимание писателей к этой стороне жизни закономерно,

нейчука и «Персональное дело» А. Штейна, докладчик отмечает, что обе они проникнуты духом социалистического гуманизма, непримиримости ко всему, что портит жизнь человека.

Самое интересное в «Персональном деле» — убедительное разоблачение отрицательных персонажей. Пафос пьесы направлен против тех, кто под предлогом бдительности старается оторвать от партии ее верных сынов. В «Персональном деле» есть, однако, просчеты, ряд образов страдает иллюстративностью.

Оценивая «Крылья», Е. Горбунова отмечает отдельные недостатки, но дает в целом пьесе положительную оценку, считая, что в «Крыльях» поднимаются важнейшие вопросы нашей жизни, к сожалению, мало до сих пор затронутые в драматургии. Она полемизирует с А. Анастасевым, утверждая пьесу в иллюстративности («Литературная газета»).

Затем докладчик подробно останавливается на проблеме положительного героя и вопросах развития сатирической комедии. Касааясь других жанров и тем, Е. Горбунова сказала, что у нас совершенно недостаточно историко-революционных пьес. В 1954 году могут быть отмечены только два произведения: «Вихри враждебные» Н. Погодина и «На улице Сматлиной» Ю. Принцева. Пьесе Погодина недостает романтической приподнятости, она заземлена. Профессионально более слабая пьеса Ю. Принцева радует поэтической своей атмосферой. Но и эти пьесы, говорит докладчик, показывают, какой неистощимый источник поэзии заключен в истории революционного движения пролетариата.

монолог — размышления поэта о героизме повседневного трудового подвига и высоте сознания советских людей. В

переживаниях героя С. Кирсанова отразились некоторые типические черты передового человека наших дней, но поэт не создал характера, отражающего пафос времени.

Ближе всего к решению проблемы подошла О. Берггольц в своей трагедии «Верность», которую докладчик относит к жанру поэмы. Сильный образ лирического героя не заслоняет в ней мужественных образов героев повествования, «не бронзовых, — живых, простых, всероссийских» героев обороны Севастополя, но «по праву раздвоенного страдания» занимает рядом с ними законное место. Их черты раскрываются в эпизодах остро конфликтного сюжета, в основе которого лежит героическая борьба с врагом. Поэтому образы поэмы сливаются в единый образ непокоренного народа, достигая подлинно трагического звучания.

История характера посвящена и поэма «Иван да Марья» К. Симонова. Читатель может себе составить представление о ее героях. Но именно составить себе представление, а не увидеть их, так как вся поэма написана как длительное напоминание поэтом героине ее отношений к мужу. Частая полена стиха рифмованной невыразительной прозой свидетельствует о том, что поэт, сыгравший немалую роль в развитии творческих традиций Маяковского, забывает о примере требовательности великого поэта к себе, о напряженном его труде над каждым словом.

Кратко остановившись на поэме К. Вапшенкина «Сердце матери», докладчик

мечтает, что сердце советской матери в известной мере обидено в этой поэме. В лучших из поэм истекшего года отчетливо выступает личность поэта, которому есть о чем рассказать народу — то «самовыражение», в праве на которое отказывали поэтам иные критики. Риторика, глухая живая гора поэта по многим поэтическим произведениям последних лет, уступает место поэтической мысли, хотя еще и звучит в поэмах нотки холодной расуточности.

Не ориентируясь в своем замысле на сочетание лирического и эпического начал, поэты ограничивали для себя возможность многообразие показать жизнь, создать характер. Лиризм «размывает» повествование.

Современность и действительность — вот исходная позиция доклада в отношении лирики истекшего года. Докладчик считает, что обрисовать лучше строить не на прямых параллелях с теми или иными знаменательными событиями года, а на принципе учета органического развития литературного процесса, где в поэзии года могут сказаться не только явления современного момента, но и плоды зрелого десятилетиями качества. Таким «долговременным» фактором развития лирики В. Огнев считает возросшее на гробе победы в Великой Отечественной войне чувство самосознания народом себя, как активной исторической и политической силы. А это, наряду с другими факторами общественной жизни, такими, например, как осуждение культа личности, является богатейшей почвой для развития духовного творчества народа, а значит — и лирики.

Докладчик анализирует основные тенденции лирики 1954 г. — активное вторжение в жизнь, в глубь души человека, внимание к судьбе рядового труженика, большую внутреннюю расторможенность художника в выявлении своей индивидуальности. В этом, говорит В. Огнев, видится то драгоценное качество поэзии, которое никакому количественному подсчету серых и пустых строчек, опротивевшего изданных за это время, не поддается и свидетельствует о движении поэзии вперед.

Дав общую картину поэтической продукции за год, докладчик отмечает начало кристаллизации нового качества лирики: утверждение лирики более гибкой, глубокой. Поэзия констатирующая постепенно вытесняется поэзией ищущей, борющейся. Интонация риторическая все чаще сменяется интонацией взволнованной проделкой, сосредоточенного раздумья. Все это свидетельствует о том, что лирика становится реалистичнее, глубже, тем самым помогает человеку более серьезно понимать жизнь.

Далее докладчик останавливается на проблеме лирического героя и образа автора в современной поэме, говорит о соответствии между масштабностью замысла и стилем. В этой связи разбирает трагедию О. Берггольца «Верность», В. Огнев подчеркивает, что только в высоком, гуманистическом понимании единства великого и малого, исторического и человеческого — основа подлинно высокого романтического стиля.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Опыт симфонического строения поэм Пушкина, Лермонтова, поэмы «В. И. Ленин» Маяковского далеко не изучен поэтам, между тем такое симфоническое строение необходимо, чтобы каждый персонаж в поэме имел свое лицо, свою речь.

Даже в лучших поэмах 1954 года внимание сосредоточено на истории характера героя, а не на многостороннем раскрытии самого образа нашего современника. В поэмах использован, в сущности, жизненный материал близкого или далекого прошлого, уже разработанный в поэзии. Поэтому они не дают повода к страстным спорам о проблемах нашего сегодня. Создать правдивый образ нашего героического современника в поэзии — задача, продолжающая стоять перед советскими поэтами.

ЛИРИКА

Доклад В. ОГНЕВА

Современность и действительность — вот исходная позиция доклада в отношении лирики истекшего года. Докладчик считает, что обрисовать лучше строить не на прямых параллелях с теми или иными знаменательными событиями года, а на принципе учета органического развития литературного процесса, где в поэзии года могут сказаться не только явления современного момента, но и плоды зрелого десятилетиями качества. Таким «долговременным» фактором развития лирики В. Огнев считает возросшее на гробе победы в Великой Отечественной войне чувство самосознания народом себя, как активной исторической и политической силы. А это, наряду с другими факторами общественной жизни, такими, например, как осуждение культа личности, является богатейшей почвой для развития духовного творчества народа, а значит — и лирики.

Докладчик анализирует основные тенденции лирики 1954 г. — активное вторжение в жизнь, в глубь души человека, внимание к судьбе рядового труженика, большую внутреннюю расторможенность художника в выявлении своей индивидуальности. В этом, говорит В. Огнев, видится то драгоценное качество поэзии, которое никакому количественному подсчету серых и пустых строчек, опротивевшего изданных за это время, не поддается и свидетельствует о движении поэзии вперед.

Дав общую картину поэтической продукции за год, докладчик отмечает начало кристаллизации нового качества лирики: утверждение лирики более гибкой, глубокой. Поэзия констатирующая постепенно вытесняется поэзией ищущей, борющейся. Интонация риторическая все чаще сменяется интонацией взволнованной проделкой, сосредоточенного раздумья. Все это свидетельствует о том, что лирика становится реалистичнее, глубже, тем самым помогает человеку более серьезно понимать жизнь.

Далее докладчик останавливается на проблеме лирического героя и образа автора в современной поэме, говорит о соответствии между масштабностью замысла и стилем. В этой связи разбирает трагедию О. Берггольца «Верность», В. Огнев подчеркивает, что только в высоком, гуманистическом понимании единства великого и малого, исторического и человеческого — основа подлинно высокого романтического стиля.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее — на пути участия в строительстве жизни.

Опыт симфонического строения поэм Пушкина, Лермонтова, поэмы «В. И. Ленин» Маяковского далеко не изучен поэтам, между тем такое симфоническое строение необходимо, чтобы каждый персонаж в поэме имел свое лицо, свою речь.

Даже в лучших поэмах 1954 года внимание сосредоточено на истории характера героя, а не на многостороннем раскрытии самого образа нашего современника. В поэмах использован, в сущности, жизненный материал близкого или далекого прошлого, уже разработанный в поэзии. Поэтому они не дают повода к страстным спорам о проблемах нашего сегодня. Создать правдивый образ нашего героического современника в поэзии — задача, продолжающая стоять перед советскими поэтами.

ЛИРИКА

Доклад В. ОГНЕВА

Современность и действительность — вот исходная позиция доклада в отношении лирики истекшего года. Докладчик считает, что обрисовать лучше строить не на прямых параллелях с теми или иными знаменательными событиями года, а на принципе учета органического развития литературного процесса, где в поэзии года могут сказаться не только явления современного момента, но и плоды зрелого десятилетиями качества. Таким «долговременным» фактором развития лирики В. Огнев считает возросшее на гробе победы в Великой Отечественной войне чувство самосознания народом себя, как активной исторической и политической силы. А это, наряду с другими факторами общественной жизни, такими, например, как осуждение культа личности, является богатейшей почвой для развития духовного творчества народа, а значит — и лирики.

Докладчик анализирует основные тенденции лирики 1954 г. — активное вторжение в жизнь, в глубь души человека, внимание к судьбе рядового труженика, большую внутреннюю расторможенность художника в выявлении своей индивидуальности. В этом, говорит В. Огнев, видится то драгоценное качество поэзии, которое никакому количественному подсчету серых и пустых строчек, опротивевшего изданных за это время, не поддается и свидетельствует о движении поэзии вперед.

Дав общую картину поэтической продукции за год, докладчик отмечает начало кристаллизации нового качества лирики: утверждение лирики более гибкой, глубокой. Поэзия констатирующая постепенно вытесняется поэзией ищущей, борющейся. Интонация риторическая все чаще сменяется интонацией взволнованной проделкой, сосредоточенного раздумья. Все это свидетельствует о том, что лирика становится реалистичнее, глубже, тем самым помогает человеку более серьезно понимать жизнь.

Далее докладчик останавливается на проблеме лирического героя и образа автора в современной поэме, говорит о соответствии между масштабностью замысла и стилем. В этой связи разбирает трагедию О. Берггольца «Верность», В. Огнев подчеркивает, что только в высоком, гуманистическом понимании единства великого и малого, исторического и человеческого — основа подлинно высокого романтического стиля.

Докладчик подробно разбирает в этой связи сильные и слабые стороны новых стихов К. Симонова на морально-этические темы и заканчивает доклад разбором о трагичности Маяковского в современной лирике. Залог будущего расцвета советской лирики — в воюющей проблемности, победы ее —

Друзья великого сказочника

В 1845 году в журнале «Современник» была напечатана сказка «Бронзовый вепрь». Это была первая сказка Андерсена, появившаяся в русском переводе. Так было положено начало знакомства русских читателей со сказками Андерсена, знакомства, скоро перешедшего в любовь многих поколений взрослых и детей, не иссякающую более столетия.

Когда через 10—15 лет бессмертные сказки Андерсена получили в России широкое распространение, представители переводческой русской критики высоко оценили их.

«...Нельзя не сказать, — писал Н. А. Добролюбов в 1858 году, — что рассказы эти написаны с замечательным талантом. В них есть одна прекрасная особенность, которой недостает другим детским книжкам, — реальные представления чрезвычайно поэтически принимают в них фантастический характер, не пугая, однако детского воображения разными фантастическими существами и всякими темными силами... Рассказы эти забавны или трогательны; они могут хорошо подействовать на ум и сердце детей, и между тем в них нет ни малейшего резонерства... В этом-то и видно искусство и талант рассказчика; его рассказы не нуждаются в правдоподобии, фантастичности; они находят детей на размышления, и применения рассказов делаются детьми уже самими свободно и естественно, без всякой натяжки».

На первое «Полное собрание сказок» Андерсена, появившееся в 1863 году, орган революционной демократии «Современник» откликнулся решительной, тонко характеризующей творческую манеру датского писателя:

«Сказки Андерсена, — писал «Современник», — имеют ту особенность, что, будучи детскими, они занимают и для взрослых человека... его фантазия сильна своей простотой, и от этого рассказ, полный дерзости и живых образов, касающийся непременно тем или другим способом действительности, всегда бесконечно наивный и в то же время остроумный, сильно, хотя и незаметно привлекает и поддерживает внимание читателя. К тому же сказки Андерсена тем в особенности замечательны, что в эту простодушную форму почти всегда заключена серьезная мысль» (1864, январь).

Знал ли датский сказочник о растущей его популярности у русских читателей? Да, и был очень обрадован этим. В письме от 28 августа 1868 года к своей переводчице М. В. Трубиной он сообщил ей: «Я рад, что мои произведения читаются в великой, могучей России, что путешествующая литература и частично знают, начиная от Карамзина до Пушкина и вплоть до новейшего времени».

В 1875 году, за несколько месяцев до смерти Андерсена, А. В. Кружков — в будущем довольно известный русский детский писатель — побывал в Копенгагене и впоследствии описал свое посещение старого сказочника:

«Я и мой товарищ по путешествию переступили порог скромного жилища Андерсена в один прекрасный вечер, за несколько месяцев до его кончины... Андерсен был высокого роста, худощавого телосложения, но с широкою костью, что составляло характерную особенность уроженцев датских островов. Его безбородое лицо, в то время уже бледное и с страдальческим выражением, было все пропитано кротостью и добродушием; большой, резко выдающийся, довольно длинный нос, высокий, широкий лоб, подбородок и губы с необыкновенно мягкими очертаниями. Но все замечательнее в этой физиономии были глаза, совершенно детские глаза на старческом лице, светлоголубые, открытые, добрые, привлекающие, несколько умные, что, впрочем, нисколько не изменило их выразительности. Мне кажется, что взгляд этих простодушных смотрящих на вас глаз должен непременно и невольно заставить вас полюбить такого человека всею душою».

1 января 1857 года Лев Толстой отмечал в своем дневнике, что перевел сказку Андерсена и за облом прочел ее В. П. Боткину. Речь идет, поясняют нам комментаторы дневника Толстого, о знаменитой сказке «Новая одежда короля». Этот перевод Тол-

стого остался неизвестен. Спустя 15 лет, выпустив свою «Азбуку», Толстой снова переключился для детей поразившую его внимание сказку. Мало того: когда в 1907 году Толстой занимался подготовкой «Детского Кружка чтения», он, видимо, позабыл, что 35 лет тому назад эта сказка была уже им переложена, вновь переосмыслена.

С образами этой сказки у Толстого соединились самые заветные представления о целях искусства. 16/28 февраля 1857 года он заметил в записной книжке: «Андерсена сказочка о платье. Дело литературы и слова — втолковать всем так, чтобы ребенку поверили».

Не только искусство, но и явления социальной жизни порой ассоциировались у Толстого с этой сказкой. 15 августа 1904 года он записывает в дневнике: «Люди придумают себе признаки величия: шари, полководцы, поэты. Но это все ложь. Всякий видит насквозь, что ничего нет и царя го-лоый». И в 1910 году, последнем году своей жизни, он снова вспоминает об этой сказке: «Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг увидел несправедливость своего положения. Это — сказка о царе в новом платье. Ребенком, который сказал то, что есть, царь го-лоый, был революционер».

«В конце 70-х годов ученик одной из нижегородских школ принес как-то в школу «Священный историк» и два расстрелянных томика сказок Андерсена, а также три фунта белого хлеба и фунт колбасы. Все эти сокровища были добыты не совсем чистым путем: на похищенный у матери рубль...»

«Во время большой перемены я разделил с мальчишками хлеб и колбасу, и мы начали читать удивительную сказку «Соловей» — она сразу взяла всех за сердце...»

«В Китае все жители — китайцы и сам император — китайцы», — помню, как приятно удивила меня эта фраза своей простотой, весело улыбающейся музыкой и еще чем-то удивительно хорошим».

Чтение это окончилось плачевно: в школе не удалось дочитать «Соловей» — не хватило времени, а когда мальчик пришел домой, его ожидала расплата за похищенный рубль: мать побила его сковородником «весьма усердно», а книги Андерсена отняла и навсегда спрячала куда-то, что было горше поворота».

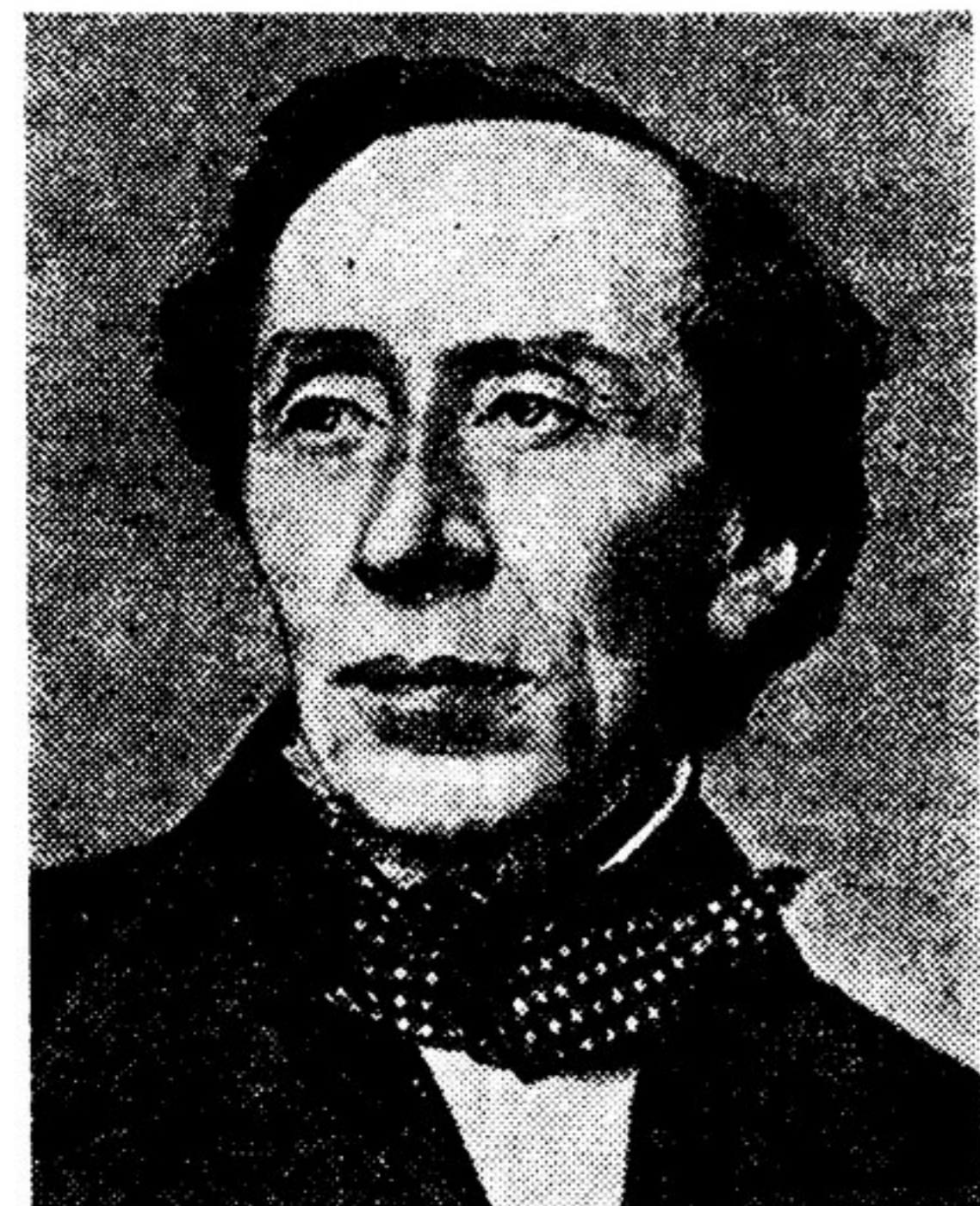
Так состоялось первое знакомство Максима Горького с произведениями датского сказочника. Любовь к Андерсену Горький сохранил всю жизнь. Реминисценции из Андерсена у Горького нередки. Эпиграфом к своим «Сказкам об Италии» Горький поставил слова Андерсена: «Нет сказок лучше тех, которые создаст сама жизнь». Народность, демократизм, пленительная реальность фантастики, насмешки над мещанством — все это Андерсен близким великому русскому писателю.

Творчество Андерсена питает многие виды искусства. Выдающийся советскому композитору С. С. Прокофьеву принадлежат музыка к андерсеновскому «Гадкому утенку», существующая в двух вариантах — фортепианном и оркестровом. Советский театр широко использует сказочное наследие Андерсена. Многие сказки инсценированы в детских театрах. Постановки на андерсеновские сюжеты пользуются неизменным успехом у зрителей. Большую любовь советских детей приобрели пьесы В. Смирновой «Сказки Андерсена» и С. Серпинского «Матрос и школяр». Особо следует отметить обильную сцену чужд ли не всех городов Советского Союза «Снежную королеву» Евгения Шварца и его оперы «Тень» и «Всплывшие на мотивы андерсеновской сказки».

Легкое впечатление по радио передала с большим успехом андерсеновские программы: «Принцесса и винопас», «Оле-Лукойе», «Гадкий утенок» и др.

В заключение приведем несколько цифр, красноречиво свидетельствующих о небывалой популярности книг Андерсена в Советской стране. За 1918—1954 годы в СССР издано 190 книг Андерсена на 32 языках общим тиражом свыше 7 миллионов экз. Из зарубежных писателей по тиражу Андерсен уступает только Д. Лондону и В. Гюго.

Великий датский сказочник нашел в Советском Союзе свою вторую родину! А. НАРКЕВИЧ

Г. Х. АНДЕРСЕН

КАРЛОС РОМУЛО — ПЯЦ С ФИРМЕННОЙ УЛЫБКОЙ...

Н. ГРИБАЧЕВ

Писать биографию генерала Карлоса Ромуло — все равно, что очищать битый и лежалый апельсин: сверху темные пятна, а внутри нечто такое, чего не предполагал ни одному человеку с нормально развитым вкусом. Ни вида, ни вкуса, ни мяса, ни кожи... И все-таки очистить этот фрукт следует — люди должны поближе познакомиться с генералом Ромуло, потому что он слишком часто используется в игре, именуемой «политикой с позиции силы», а вдобавок ко всему сам себя жалует и рекламирует чуть ли не единственным печальником и запитником народов Азии. При этом он неустойчиво потрясает своими маленькими кулачками в сторону Советского Союза и Китайской Народной Республики. Мы живем и ничего не замечаем, а он потрясает и потрясает! Зрелище это забавное и в психологическом отношении интересное, — с чего бы это такой маленький человек вообразил себя гигантом, способным вращать континенты?

Некоторый свет на это проливает сам Карлос Ромуло в своей кокетливой статье «Я рад, что я маленький человек». Он доверительно сообщает: «Входя в лифт или в метро, я боюсь, как бы меня не заушищали. Я вижу только спины, спины, спины. Мне часто мнут плечу. В театре я вынужден вертеться и вытирать шею, чтобы хоть что-нибудь разгладить из-за плеча сидящего впереди человека. В толпе я себя спрашиваю: «Ну, как там, внизу? Каккая погода?» — и при этом оглушительно хохочу...».

После этого боевая позиция Карлоса Ромуло становится совершенно ясной: маленький человек в памяти шлепает потрясает кулачками из-за чужой спины. Чья же это спина? Никакой загадки в этом давным-давно нет. Однако в интересах последовательности повествования не лишним будет перенестись из Нью-Йоркского метро, где Карлос Ромуло затирает коленями, в город Манилу, на Филиппины, где он родился и рос. В детстве он, по его признанию, не видел американцев, из чего можно заключить, что поначалу он развивался нормально: дело в том, что американцы сыграли с его страной скверную шутку. Обещая поддержать восставших филиппинцев против испанских колонизаторов, они высадились на Филиппинах, а затем разоружили филиппинские войска и оккупировали острова. Отец Карлоса Ромуло в это время находился в рядах тех самых партизан, в которых стремились американцы, а сам Карлос называл американцев «сучужеными яв-водами с голубыми глазами». «Дьяволы» не только жевали табак и состязались, кто дальше плюнет: однажды Карлос Ромуло увидел своего соседа повешенным на дереве. Вся вина его была в том, что он боролся за свободу Филиппин.

Трехпопаение Карлоса Ромуло, как и у библиейской прародительницы Евы, началось с яблока. В роли змеи-искусителя выступила «дьявола с голубыми глазами»: она дала Карлосу Ромуло яблоко, и тот немедленно подружился с американцем. Весьма возможно, что американский сержант при этом научил Карлоса Ромуло играть в плевки. Судя по тому, как он впоследствии отнесся к попыткам своего народа отстоять независимость, так оно и было... Вкусив от яблока, Ромуло забыл пытку «колдованием», которой подвергал его дед за связь с партизанами, смирился со зрелищем того, как вешали на деревьях соседей, и плюнул на независимость, которую когда-то отстаивал его отец. Правда, американцы выгоняли его из Кларо, в Маниле, как туземца и человека низшей расы, но он утешался и аз с черного хода. В конце концов, его, как полагающее надежды поинтера, послали на шифовку в Колумбийский университет в Нью-Йорке. Замы языки говорят, что таким образом Карлос Ромуло получил причитающиеся ему тридцать серебряников натурой...

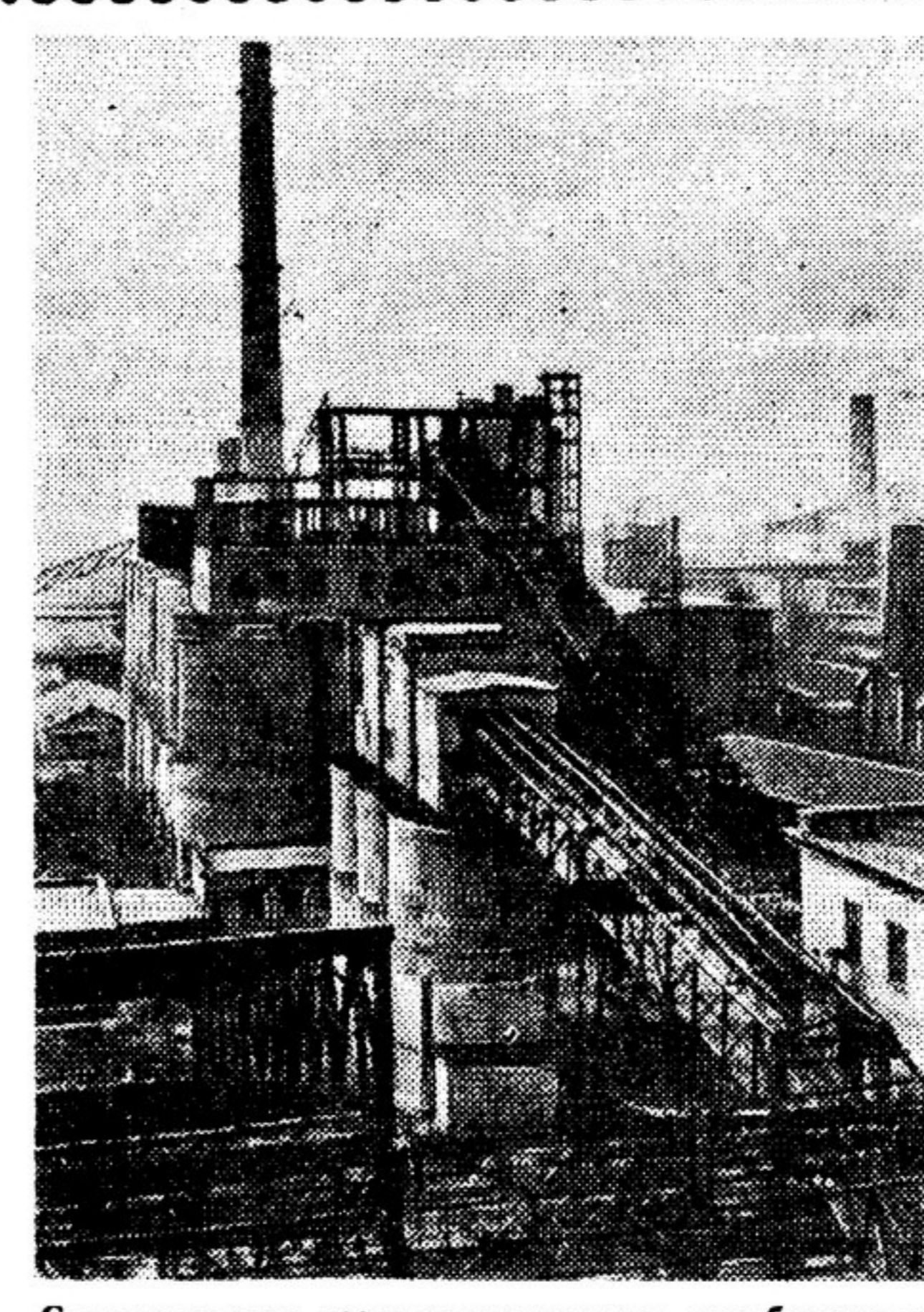
Так заканчивается первый период биографии карьеры Карлоса Ромуло. Нормальный мальчик стал пошлой-оборотней с ярко выраженным талантом лизать руку, которая бьет. Романчик на таком материале смог бы создать только тип проныры и приживальщика, который сморит

в рот хозяевам, когда они едят, подобострастно и равные всех смеется, когда они изводят шутить, и первым бросается понимать трюки, когда они е уронят. Если хозяевам к тому же не чужда охотничья страсть, приживальщик затеет дичь на выстрел, не давая ни ног, ни голоса... Но о Карлосе Ромуло ни романов, ни исторических исследований еще не писали, этот пробыл он по мере сил старается сам возместить мемуарами. Из них можно узнать, что в детстве Карлос Ромуло старался побольше есть, чтобы вырасти повыше. Это ему не удалось. Тогда он стал много писать и говорить...

За этим занятием его и застало нападение Японии на Филиппины. В это время он был редактором и издателем газеты «Геральд», выходящей на английском языке. Истинные филиппинские патриоты уходили в горы и джунгли, чтобы до последнего патрона сражаться за захватчика. Но будущий чернильный генерал Ромуло дорожил своей драгоценной жизнью больше, чем свободой и жизнью народа. Поэтому он бросил на прощанье судьбу жену и детей и со всей скоростью, на которую был способен, устремился на один из американских аэродромов. Кстати, с тех пор он стал самым ярым сторонником американских военных баз на Филиппинах... Летчик согласился взять его с условием, что Карлос поместится у него под ногами. «Я ухитрился втиснуться в это пространство и провел там пять часов», — вспоминал впоследствии Ромуло. Весьма возможно, что эти воспоминания о каучуковых подлопах летчика, в котором прижился Карлос Ромуло, влила в него последнюю надежду на спасение, навели его позднее на мысль написать книгу, которую он назвал «Мать Америка». В этой книге он, между прочим, утверждал, что «американские методы обращения с Филиппинами, будучи распространенными на весь восточный мир, оказались бы лучшим и единственным решением азиатской проблемы».

Причину этого психологического шока разгадать неумерено. «Вот как я удрал от японцев, а иначе бы мне не спосить голову!» — восторженно хвастался потом Карлос Ромуло. Однако же такой способ спасения прилет в голову далеко не всем, многие предпочитают встречать опасность с оружием в руках, а защищаться, принуждая к бегству агрессоров. Так что попытка Ромуло привить филиппинцам крысиные инстинкты была с самого начала обречена на неудачу. Кстати, когда генерал писал свою книгу, на Филиппинах продолжали убивать и вешать патриотов, восторжествовавших с новыми колонизаторами. Эти восторжества — весьма серьезный критический комментарий к книге «Мать Америка», да и сама эта малая предстает в весьма своеобразном облике — с пистолетом в руках и ножом в зубах... Может быть, американские сержанты при этом, как и прежде, угощали филиппинских детей филиппинскими яблоками, но это им обходилось дешево. Что касается самого Ромуло, то он, как бывший аэротанк и друг генерала Макарута — «бездельника Михаила», погоревшего впоследствии на корейской авантюре, к этому времени получал уже не яблоки, а чины и американские ордена...

В новоколониальном раю, который рекламируется генералом Ромуло, весьма оригинально решаются военные проблемы: предполагается, что американские войска, расположенные на Филиппинах, должны

Строительство металлургического комбината в Сталинограде продолжается. На снимке: сооружение коксового завода.

будут оборонять страну войска, а филиппинские ордена — сражаться с партизанами внутри страны. Как видно, «независимость» Филиппин провозглашал так далеко, что филиппинцам уже разрешено самим убивать своих соотечественников. Американцам остается только поставлять оружие...

Этот «порядок», очевидно, и хотел бы распространить Карлос Ромуло «на весь восточный мир». Слава богу, что сие от него не зависит!

Ромуло — красноряд. В юности, когда еще его, как туземца, выгоняли из клубов в Маниле, он получил премию на конкурсе ораторов на тему «Моя вера в Америку», что в значительной степени определило его судьбу. Иногда он витийствует так же, как толкает глухаря, не слыша самого себя и не понимая, что к чему. Так случилось с ним на конференции Объединенных Наций в 1945 году. По свидетельству Ромуло, слова у него лились «непроизвольно». О том, что он сказал, он узнал позже из газетных отчетов. Оказывается, он, как это ни странно, утверждал, что «единственный курс, которому можно следовать неуклонно... это путь взаимопонимания между людьми...». Однако сам Ромуло держался «курса взаимопонимания» только до тех пор, пока был на трибуне. Сойдя с нее, он стал яростным проповедником «холодной войны» и «политики с позиции силы»... Сила, поистине, чужая, и война — тоже, но тем яростнее он потрясает кулачками. Это он был яростным сторонником войны в Корею, он требовал пересмотра устава ООН, чтобы исключить принцип единогласия, и развязать руки авантюристам. Это он в статье «Три года для того, чтобы спасти Азию» пугает «коммунистической опасностью» и злобно клеветает на Китайскую Народную Республику.

Карлос Ромуло охотно обнимается с представителями тайваньской марionетки в ООН и поносит новый Китай... Таков «курс взаимопонимания» в трактовке Карлоса Ромуло.

Об одной своей статье Ромуло сказал, что она не представляет собой приятного воскресного чтения. Это — слишком скромно. Статья его не могут представлять интереса для мыслящего человека также и в будни, — это статья позера, который, выливая на первый план самого себя, богатства и фантазирует, не понимая сущности вопроса, о котором идет речь. «Я — представитель свободы Азии!» — вопиет он с первой строки.

Это еще может сойти за юмор, хотя и мрачнозвучный. Далее он пишет о страшной, бесперспективной войне, в которой живут народы Юго-Восточной Азии, и тут же, не моргнув глазом, предлагает превратить этот район мира в экономическую витрину, «точно так же, как независимые Филиппины стали политической витриной». Ну, а за витриной что?

Ответ на это дают два американских профессора — Г. Рузвельт Коллинз, директор Института международных финансов, и Маркус Надлер, руководитель научно-исследовательского отделения института. Вот что они пишут: «Низкая производительность, нищета, широкое распространение арены и отсутствие удовлетворительных кредитных учреждений способствуют вынуждению на Филиппинах». В том же бюллетене, где напечатана эта статья, отмечается, что важнейшие отрасли промышленности на Филиппинах не достигли довоенного уровня, что методы сельского хозяйства остаются первобытными, что торговое соглашение, заключенное между США и Филиппинами, помогло американскому монополистическому капиталу свести к подчиненному и зависимому положению экономику страны. К этому следует добавить, что без разрешения американского президента правительство Филиппин не имеет права изменить денежный курс, не

Рис. Ю. Федорова

имеет права установить новые таможенные тарифы и т. д. и т. п. Нечего сказать, веселенькая получается «витрина!» Как говорится, манил калачом, а угостил кыршочком.

Рекламируя планы создания «экономических витрин» на американские деньги, Ромуло пытается убедить читателей, что капиталлисты сначала ограбили народы Азии и довели до нищеты, а теперь готовы разориться и вернуть награбленное. Но кто же этому поверит?

Карлос Ромуло не только изобретает один проект за другим, но и угрожает, принимая величественную позу. Он даже итрово сравнивает себя с Наполеоном, находя утешение в том, что французский полководец тоже был маленького роста.

«Я по большей части смотрел на людей снизу вверх», — признается генерал Ромуло. Это сразу заметно — на этом он построил и свою политическую карьеру. Что это не домysel и не шутка, подтверждает сам Карлос Ромуло, подтверждает с откровенным и наглым признанием. «У нас, крошечек, есть одно преимущество», — писал он. — Люди не так настойчиво относятся к коротышкам... Значит, дести, не опасаясь быть разоблаченным, втираешь в доверие, не боясь того, что тебя узнают!... «Мне приходилось слышать», — пишет далее Ромуло, — что улыбка — моя фирменная марка... Я, действительно, извлекая пользу из того обстоятельства, что перед маленьким человеком с большой улыбкой трудно устоять...»

Нало честно признать, что в этом случае генерал Ромуло перетартировал самого Тартюфа. Талантов в нем никогда никаких не замечалось, товарищи в юности говорили ему, что он туш, и это, надо полагать, соответствовало истине. Тем не менее, он сумел получить американские ордена, был послом Филиппин в США, постоянным представителем в ООН и т. д. Однако глядящими снизу вверх и «фирменная улыбка» не всегда выручала чернильного генерала (Ромуло никогда и ничем не командовал), случались у него и просчеты. Одно время, при помощи американского являшки, он изо всех сил пытался вскарабкаться на кресло генерального секретаря ООН, после того, как оттуда высочил Трьюге Ли. Не получилось. В 1953 году Карлос Ромуло карабкался в другое кресло — в кресло президента Филиппин. Но и до президентского кресла Карлос Ромуло не дотянулся, — как говорится, руки коротки.

Сообщают, что сейчас генерал Ромуло укладывает чемоданы и собирается в поездку. Куда? В Банглад, на конференцию стран Азии и Африки. Цель этой конференции — объединить усилия стран Азии и Африки для борьбы против колониализма, за мир и независимость. Вашингтон, страшно мечтающий о сырье этой конференции, подкидывает туда генерала Ромуло в качестве малокалорийной мины...

Он будет смотреть снизу вверх. Будет изображать представителя Филиппинского «рая». Будет улыбаться «фирменной улыбкой». Однако можно заранее сказать, что ничего путного у него и на этот раз не получится. Манильский Тартюф, проживающий в Нью-Йорке, слишком хорошо известен в странах Азии...

НАКАНУНЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ ВЕНГРИИ ОТ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Встречи в Венгрии

Петрусь БРОВКА

В Будапеште сейчас весеннее, предпринимается оживление. Наполняются вешиными водами широкий Дунай. В садах и парках дружно заговорили скворцы. По-весеннему шумно на улицах и площадях венгерской столицы.

Послезавтра, 4 апреля, у венгерского народа великое торжество — десятилетие освобождения родной страны от фашистского ига. Этот день посвящен транспарантам и плакатам, украшению дома. О ней напоминает и статуя Свободы на горе Геллерт, вознесенная высоко над городом. Бронзовая фигура женщины с пальмовой ветвью в руках — знак благодарности советским войскам-освободителям. Это память о повзрослевших людях, которые прошли от берегов Волги до берегов Дуная и привнесли новую жизнь венгерскому народу.

Новую жизнь, свободный труд я видел в Венгрии повсюду, где довелось побывать. О мирном труде во славу родины мне рассказывали венгерские друзья в заводских цехах, и на берегах озера Балатон, у сталинградской донны, и в небольших селениях.

Уже в первые дни после прибытия в Венгрию услышали мы о строгальнике Игнаше Пюкере. Его трудовые дела знает вся страна. В то утро, когда мы познакомились с Игнаше, он работал за своим

станком. Крепкий и загорелый, средних лет, Игнац Пюкер следил, как от детали, которую он обрабатывал, тоненькой змейкой вылилась стальная стружка.

— Игнац ухаживает за станком больше, чем за своей женой, — шутя заметил наш спутник. — Вот и неправда, — улыбнулся строгальник, протягивая нам для приветствия руку. — Если уж говорить откровенно, то половиной своих успехов я обязан моей Терезе. Двенадцать лет живем вместе, и ни одной ссоры... А у счастливого, знаете, и труд спорится.

Труд у Игнаца Пюкера действительно спорится. Меньше чем за два года он выполнил свой пятилетний план. Народ по заслугам оценил новатора. Он — Герой социалистического труда, награжден премией имени Кошута, а также орденами республики.

Игнац Пюкер побывал в 1951 году в Москве, Ленинграде, Ереване. Он многому научился у своих советских друзей. О советских друзьях говорил нам и товарищ Игнаца Пюкера рабочий-изобретатель Гега Фекета. Пригласил нас к себе домой, он рассказал о том, как Советская Армия вызволила его с женой из концентрационного лагеря, куда их бросили венгерские фашисты.

— Если бы не советские войны, — говорил Фекета, ласково глядя на свою рано поседевшую жену и детей-подростков, — мы погибли бы. Жена Фекета разливала суп. А дети внимательно прислушивались к нашей беседе. Двенадцатилетняя Магга, красная и смущающаяся, сказала:

— Как бы хотелось мне побывать в Москве! Я буду хорошо учиться, чтобы поглядеть советских ребят.

Мы беседовали с Гезой Фекетой о переменах на его родине за 10 лет, о новой жи-

ни рабочего класса и о том, что пролетариев прошлого никогда больше не вернется.

— Обязательно побывайте в Сталинограде. Это наша гордость! — посоветовал на прощанье Фекета...

Осенью 1950 года на пустыре, недалеко от деревушки Дунапентеле, был заложен первый камень новой стройки. Теперь здесь большой металлургический комбинат имени И. В. Сталина, молодой социалистический город металлургов — Сталинварош. Комбинат строится с помощью Советского Союза. В Сталинвароше 30.000 жителей. Судьбы всех этих людей прочно связаны с жизнью комбината.

У одной из юмен мы познакомились с Золтаном Липтаи. С гордостью рассказывал нам мастер о своем заводе, городе. — Когда мы пришли строить Сталинварош, вокруг ничего не было. А теперь, — и он показывал на луну, — здесь я тружусь, а там, — он протянул руку в сторону города, — у меня хорошая квартира. Моя жизнь, мои знания принадлежат Сталинварошу.

...Мы идем по широкому уаиан Сталинвароша, многоэтажные светлые домов, окруженные молодыми деревьями, посаженными самими жителями. — В городе уже тысячи квартир со всеми удобствами, — рассказывает нам «старожил» Еле Топольдан. — Три начальные школы, гимназия, металлургический техникум, музыкальная и балетная школы, вечерний строительный техникум, дом культуры, библиотека, кино, библиотека, гостиная. Поздавай, у нас есть уже все, что полагается большому городу!

А комбинат и город продолжают строиться. С большим удовлетворением встретили сталинварошские решения последнего пленума ЦК Венгерской партии тружущихся. Как известно, пленум решительно осудил оппортунистические взгляды в вопросе социалистической индустриализации. Пленум

подчеркнул, что для успешного социалистического строительства необходимо последовательно осуществлять генеральную линию партии, политику социалистической индустриализации, обеспечивая преimuшественный рост тяжелой промышленности в народном хозяйстве. Люди понимают: больше стали — это больше машин для сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, это рост народного благосостояния. Без тяжелой индустрии нет ни прочной обороны, ни могущества страны. И нам с гордостью говорили о том, что, кроме сталинварошского металлургического комбината, за годы пятилетия пущено пять новых маргеновских печей на металлургическом комбинате имени В. И. Ленина, что на комбинате имени М. Ракоши вступила в строй трубопрокатный завод, а в Дюш-льере — один из крупнейших прокатных станов в Европе.

...Над Венгерской равниной дует ветер весны. Гул тракторов огласил поля, лемехи плугов отвораивают черные жирные пласты. Скоро пробьются нежные ростки всходов новой весны. Теплые весенние лучи согревают венгерскую землю.

В небольшом домике правления сельхозхозяйственного кооператива «Утгер» («Пионер») в районе Мако на встречу с советскими гостями собралось много народу. Беседа наша очень непринужденная, причем больше говорят женщины. Они рассказывают, как им живется в кооперативе. Старик слушает, время от времени подкладывая крестьянкам.

— В старой Венгрии, — говорит 64-летняя Балаш, — жизнь моя была трудной. После смерти мужа я не имела сил прокормить детей со своего клочка земли. А теперь! — Лицо старой женщины оживает. — У меня никогда не было раньше столько вещей. И продуктов хватает для всей семьи.

Старик слушает, не вмешиваясь. Но вот заговорил 65-летний Михай Малост: — А я только что из дома отдыха приехал. — Вы впервые побывали там? — заинтересовала ее. — Что вы! За последние десять лет бывал не раз. Это в старой Венгрии мне не в чем было на улицу выйти, не то что в дом отдыха ехать. Теперь мы с дочерью только одними деньгами 36 тысяч форинтов зарабатываем.

— Возьмите мою семью, например, — говорит другой крестьянин. — Раньше трудно было учить детей, а теперь им дороги открыты. Мой Иштван служит в армии. Эржебет училась, а теперь в милиции работает. Михай и Андраш ходят в школу, да и сам я каждый день «Сабад нан» читаю...

Хочется рассказать о том внимании, которое проявляют тружущиеся Венгрии к советской культуре. Когда мы беседовали с читателями на металлургическом комбинате имени Матяса Ракоши, мне задали множество вопросов. Люди интересовались, чем работают советские писатели, рас-

спрашивали о новых книгах М. Шолохова, А. Фадеева, К. Фелина, В. Симонова. А Белек спрос на советскую книгу. Мне говорили, что за десять лет в стране издано в переводе на венгерский язык 1400 романов, сборников стихов, пьес и рассказов советских писателей и русских классиков.

Народ Венгрии любит и ценит своих писателей. Особенно популярна лирика великого Шандора Петефи. В маленьком домике в Вил-Кереше, где в 1823 году родился народный поэт Венгрии, я услышал, как один из посетителей, простой крестьянин, тихо шептал про себя стихи. Переводчик протянул мне раскрытый томик Петефи и показал эти строки:

О, где еще земля так хороша? Здесь мать кормила грудью малыша. И только на родной стороне Смется, словно сыну, солнце мне.

И вспомнилось мне, как на озере Балатон, где советские войны сражались за освобождение Венгрии, ученый Имре Тривенчи-Валдапфель говорил нам:

— Благодаря советским друзьям мы обрели родину и мирную жизнь. И мы, как мать, любим свою землю. ...Советские люди от души приветствуют венгерский народ в эти дни десятилетия освобождения его родины. Мы верим: венгерский народ добьется дальнейших успехов в строительстве социализма.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Выразить мне на страницах вашей газеты любовь, признательность и уважение всем людям, организациям и учреждениям, которые приветствовали меня в связи с моим шестидесятилетием и награждали орденом Ленина.

Максим РЫЛЬСКИЙ

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.